

Валерий Столыпин

Мелодия
ДОЖДЯ

Валерий Столыпин

Мелодия дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63829012

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь – бесконечная череда случайностей. Но ведь и от каждого нас тоже что-то существенное зависит. Судьба каждому преподносит сюрпризы: иногда вкусные, порой неожиданные, больше похожие на аттракцион с непредсказуемым итогом. Герои повести влюбляются, переживают, страдают, делают большие и маленькие глупости, но не сдаются, несмотря на молодость и отсутствие житейского опыта.

Содержание

Мелодия дождя Глава 1	5
Мелодия дождя Глава 2	15
Мелодия дождя Глава 3	26
Мелодия дождя Глава 4	32
Мелодия дождя Глава 5	45
Мелодия дождя Глава 6	62
Мелодия дождя Глава 7	74
Мелодия дождя Глава 8	85
Мелодия дождя Глава 9	100
Мелодия дождя Глава 10	118
Мелодия дождя Глава 11	138
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Валерий Столыпин

Мелодия дождя

*А ветер дни осенние лишает,
Но я не верю в сказки октября...
Ты – облако, которое растает,
Оставив мне мелодию дождя...
София Егорова*

Мелодия дождя Глава 1

Всё началось осенью, когда природа и жизнь в целом после расслабляющего летнего тепла начала неожиданно понимать, что заканчивается некий комфортный отрезок существования и нужно срочно что-то предпринимать, изменять привычки, обличье, взаимодействие с внешней средой, приспособливаться к неблагоприятным переменам.

И совсем неизвестно, чего именно ожидать в дальнейшем, ведь всё, что могло напомнить о том, как тяжело выживать зимой, осталось в прошлом, а цветы и зелень рождены исключительно для праздника жизни.

Природа преображается внезапно, меняет устоявшийся строгий стиль повсеместных нарядов привычных оттенков зелёного на весёленькие разноцветные шелка и ситцы, намеренно молодится в попытке доказать, что время не властно над тем, что даёт плоды.

Деревья и травы переодеваются, выставляют напоказ предпочтение к оранжевым и пурпурным одеждам, по большей части многоцветным, украшенным яркими узорами.

Осень задумчиво шевелит опадающими листьями, нехотя соскакивающими с насиженных мест, кружит их облетающие тела в вихре воздушных потоков, срывает порывами ветра насильно, считая такую игру исконным правом.

Наблюдая осенью за природой, можно прийти к ошибоч-

ному мнению, что она не стареет, напротив, молодеет день ото дня.

Каждый из сезонов года, отличающихся особенными, только им присущими изысканными манерами, дорог для Лёньки по-своему. Но только осень пробуждает в нём мечтательность и романтизм настолько ярко.

Временами он даже берётся писать стихи про обманчивую природу любви, про непостоянство, про искушения и соблазны романтических отношений.

В его молодые годы, когда жизнь только начинается, грустить о том, чему суждено *“процвести и умереть”*, нелепо, смешно. Оглянись, жизнь прекрасна!

Октябрь для него всегда особенно дорог, потому, что это месяц зарождения первой любви, а также время, когда она умирала в муках.

Пережитые и неожиданно утерянные глубинные чувства сделали его весьма чёрствым. Лёнька ни за что не хотел бы повторения даже части того, что тогда испытал.

Сказать, что это была трагедия, значит, ничего не объяснить. Для неокрепшей юношеской психики расставание с любимой стало реальной драмой, послужившей причиной полной переоценки жизненных ценностей.

Одним моментом юноша разуверился в любви, в дружбе, в том, что жизнь прекрасна, поскольку его милая девочка, ставшая к тому времени единственным и главным смыслом жизни, ничего не объясняя, променяла Лёньку на его же луч-

шего друга, Витьку Ермакова.

Это был удар под дых, точнее в солнечное сплетение, когда человек утрачивает способность дышать, видеть и думать одновременно.

Подружку звали Мила. Её имя сладко перекатывалось на языке, когда он в разнообразных вариациях произносил это божественное слово.

Даже сейчас, хотя прошло довольно много времени с момента расставания, Лёнька не утратил яркое ощущение влюблённости.

Знал он эту девочку ещё с детского сада. Но тогда, впрочем, и позже, уже в школе, особенного интереса для него Мила не представляла, потому, что никогда не принимала участия в играх, которыми увлекались во дворе дети.

Мила, в отличие от большинства ребят, была девочкой занятой. Она ходила в музыкальную и художественную школу, в кружки хорового пения и танца, углублённо изучала английский язык и математику, а играла исключительно на скрипке и в шахматы.

Её время было расписано по часам и минутам. Среди сверстников Мила числилась белой вороной, выскочкой и зазнайкой, хотя на самом деле была премиленькой, исполнительницей и послушной, только и всего.

Во дворе её дразнили "Милка – копилка", кричали "наша Мила модница, с ней никто не водится, душитесь духами, ходит с женихами" и ещё "мама мыла раму, Мила рыла яму.

Ха-ха-ха!"

Ничего из этих обзывалок на неё конкретно не указывало, кроме имени, но кричали дружно, вкладывая осуждение и презрение за инаковость, за непохожесть на всех прочих.

Когда девочка шла на занятия с папкой для нот или этюдов, мальчишки старались толкнуть её, обрызгать водой из лужи, дёрнуть за длинную, свисающую ниже пояса русую косу цвета спелой соломы.

В школе мальчишки могли забросить Милкин портфель на крышу входа, откуда его трудно достать, спрятать учебник, поставить подножку.

Лёнька не имел ничего против самой Милы, но был членом стаи и идти против всех не мог, поэтому принимал активное участие в организованной травле. Правда, без особого энтузиазма, за компанию.

Девочка к их действиям относилась спокойно, насколько это было возможно, но иногда всё же, плакала от отчаяния.

Папа её драл мальчишек за уши, пытался разговаривать по-доброму, угощая конфетами, жаловался директору школы. Тщетно.

Нападки сами собой прекратились в восьмом классе, когда пришла пора юным хулиганам ступить на тропу романтических грёз и любовных разочарований. Именно за ней в первую очередь начали пытаться ухаживать все те, кто до этого обижал.

Не обошло стороной подобное увлечение и Лёньку. В

один прекрасный день он открыл чуть шире глаза и увидел в Милке на удивление привлекательную девушку, внушающую безотчётную симпатию.

Юноша никак не мог понять, почему до сих пор видел то же самое, но иначе. Это была всё та же девочка, но к её имени теперь само собой прилипало слово милая.

Глубокие тёмно-серые, иногда отдающие голубизной, добродушные глаза, постройневшая неожиданно фигурка, плавные движения, ангельский голосок, как у Настеньки из кинофильма "Морозко".

Лёнька всё ещё оставался тем же вихрастым мальчишкой, разве что у него начал ломаться голос да проступил тёмный пух над верхней губой, а Милу уже вполне можно было называть девушкой.

Её облик приобрёл соблазнительные округлости. Лицо выделял обворожительный томный взгляд. Детскую косичку заменила стильная причёска. Исчезли без следа голенастые коленки, превратив тоненькие некогда ножки в предмет зависти сверстниц.

Прямоугольный сверху донизу корпус преобразился в плавную изогнутую линию с акцентами на узенькой талии и бёдрах.

Эти трансформации выделяла скромная, но довольно стильная одежда, подчёркивающая зарождающуюся женственность.

Неожиданно для всех обижающих её мальчишек Милочка

пригласила их на свой день рождения.

Мальчишки в попытке перещегоолять друг друга изводили матерей на предмет парадной одежды и подарков, однако все, как один, выглядели на фоне повзрослевшей девочки неказисто, чересчур ребячливо.

Милочка, никому не выказав предпочтения, выбежала им навстречу, увидев в окно, насколько те нерешительны, и потащила в дом, где был накрыт большой праздничный стол.

Мальчиков было приглашено столько же, сколько и подружек. Когда все уселись и немного успокоились, ребята начали дурачиться, неловко шутить, пытались привлечь внимание именинницы.

В этот момент к гостям вышли родители, поздравили дочку, подарили ей пальто и золотые серёжки. Папа, прищурив глаз, с немалой долей сарказма обратился к мужской половине вечеринки, – молодые люди, прежде, чем мы с мамой покинем ваше гулянье, хотелось бы кое-что услышать от джентльменов. Вы ничего не хотите сказать имениннице?

Мальчишки переглянулись. Их лица, налились краской.

– Лёнька, давай ты, отвечай за всех. Мы тебе доверяем, – выкрикнул Витька Ермаков, – ребята, все согласны?

Нестройный гул голосов, очень неуверенный, всё же выразил единодушное одобрение.

Лёнька встал, и смущённо отвернув взгляд в сторону начал говорить, обращаясь совсем не к Милочке, – Сергей Степанович, нам очень стыдно, что столько лет незаслуженно

обижали самую лучшую девочку нашего городка. Я, например, очень её люблю.

– Так не честно, – закричал Витька, – мы Милу тоже любим, и тоже хотим извиниться.

– Ну и ладно, настоящий мужской поступок. Дальше разберётесь сами, а мы с мамой в кино пошли. Только без хулиганства. Леонид, раз уж тебе все доверяют, назначаешься старшим. За порядок отвечаешь ты. У меня всё.

Немного погодя ребята начали разговор о том, что для настоящего праздника не хватает вина или пива. Лёнька, высказался решительно против этой затеи.

– Мы тебя старшим не назначали. Дома будешь командовать. Любит он, видите ли. А нас спросил! Милка, ты-то что скажешь, сбегает, – спросил Витька, – какие танцы без пива? Скучно же будет.

– Ребята, я вам запретить не могу, но не хочется расстраивать родителей. Давайте так потанцуем, а, ну что, включаю музыку?

– Может быть, для начала ты нам поиграешь, а Мила, – попросил Лёнька.

– Правда, давай, сбасай что-нибудь весёленькое, – поддержал его Витька. Все начали просить в голос сесть именинницу за пианино.

Мила играла уверенно, быстро, ритмично. Все слушали, но не очень внимательно.

Кроме Лёньки.

Юноша тоже ничего не понял, но нравилось ему буквально всё, что девушка делала. Однако с огорчением отметил, что мальчишки, не сговариваясь, дружат сегодня против него, поэтому не стал выражать вслух своего мнения.

Гости начали шептаться, толкались, хихикали. Мила реакцию гостей определила правильно, уловив желание погрузиться в более понятные для них увеселения.

Грациозно исполнив последнюю ноту, она вскочила из-за инструмента, подбежала к проигрывателю и поставила пластинку с медленной танцевальной мелодией, приготовленной заранее.

Объявив белый танец, Мила плавной походкой обошла всех, словно выбирала.

Пригласила Лёньку.

Это не был заранее заготовленным поступком, как подумали все, решение родилось спонтанно и не выражало особого предпочтения именно к нему.

Лёнька смутился, почувствовав неприкрытую враждебность во взглядах друзей, каждый из которых претендовал на право танцевать с именинницей первым.

Соперничество принимало дурной оборот, превращало приятелей в недоброжелателей. Он колебался, не понимая, как поступить.

Мила решительно вытащила мальчишку в круг, взяла на себя роль ведущей и начала кружиться.

Танцор из Лёньки был так себе, совсем никакой, но он

старался, тем более что девушка приклеила его руку к своей талии, что оказалось до жути приятно на уровне волнующих ощущений.

Под тонкой материей платья приятно скользила шёлковая ткань сорочки, но даже два слоя одежды не могли отгородить руку от её живого тепла.

Лёнька чувствовал, как напрягаются и расслабляются девичьи мышцы, рука в руке передавала импульсы движений, шлейф возбуждающих запахов приводил чувственное восприятие в состояние эйфории.

Голова юноши от телесного контакта и избытка впечатлений шла кругом.

Мальчишка двигался, не чувствуя под собой ног, пристально, не мигая, вглядывался в её завораживающие глаза, но думал лишь о том, чтобы не наступить ненароком на миниатюрную ножку.

Увы, именно это он и делал раз за разом, проклиная себя за неуклюжесть, а Милочка старательно делала вид, что ничего безобразного не происходит.

Лёнька даже не заметил, как закончился танец, потому что дрожал всем телом и дышал через раз.

Девочка присела в реверансе, сказала спасибо.

Сразу после танца мелодично зазвенел её музыкальный голосок, приглашая гостей к столу.

Рядом с Лёнькой не сел никто, выразив тем самым ему всеобщее презрение.

Мила, не задумываясь, приняла его сторону, сев справа от него, совсем рядом.

Это было похоже на прямой вызов. Однако девочка думала быстро и умела принимать ответственные решения, чему с успехом научил её папа.

Дальше Мила танцевала со всеми по очереди. Больше Лёньке не досталось ни одного тура. Но и это не спасло ситуацию.

Мальчишки наперебой стремились завладеть хозяйкой бала, совершенно не обращая внимания на её подруг, которые, в свою очередь тоже почувствовали себя лишними.

Тогда Мила предложила прогуляться всем вместе на пруд, а потом в лес, пока светло.

Она шла впереди всех, спиной назад, с сосредоточенным выражением читая стихи.

На её возбуждённом лице отражались эмоции, к которым девочка была ещё не вполне готова, но неосознанно стремилась стать взрослой.

Мальчишки тем временем, пользуясь моментом, тихо сбегали за вином.

Выпивали незаметно, но скрыть поведение и запах перегара было невозможно.

Не пил только Лёнька.

Ему даже не предлагали, просто, не сговариваясь, объявили бойкот, единогласно решив, что он выскочка.

Скорее всего, это была зарождающаяся ревность.

Мелодия дождя Глава 2

Середина октября отличилась великолепной сухой погодой. Деревья, приодевшиеся в багрец и золото, пестрели новомодными нарядами.

Разноцветный ковёр из опавших листьев пестрел повсюду, дополняя экстравагантные наряды основательно поредевших, но выглядящих ещё более привлекательно крон.

Молодые люди с удовольствием активно шуршали резными листьями, нагребали их целыми охапками, подбрасывали вверх.

Одна шалость потянула за собой прочие, запустив спонтанно игру в салочки. Детство-то ещё. Несмотря на начало эмоционального взросления, не закончилось.

Кто-то предложил ввести в игру в качестве приза тому, кто осалит, поцелуй.

Условия единогласно приняли. Девчонки с удовольствием подставляли щёки, визжали от удовольствия, но старательно делали вид, что сопротивляются.

В пылу азарта и под действием вина правила неожиданно изменились. Мальчишки начали зажимать подружек не вполне целомудренно, предпринимали попытки мять грудь, целовать в губы.

На этом этапе характер сопротивления и тональность посягательств вышли из-под контроля.

Одному из навязчивых джентльменов прилетело коленом в пах, другому девочка локтем нечаянно рассекла губу.

Лёнька давно отошёл в сторону, не решаясь что-либо предпринять. Ему было не по себе, но Мила молчала, что могло означать только согласие с правилами забавы.

Опасная игра переместилась ближе к берегу пруда.

Уже начало темнеть, в сумеречном свете постепенно исчезали тени.

В эту минуту Леонид стал искать глазами Милу.

Кто-то из ребят повалил её на ковер из листьев. Девушка молчала, но слишком энергично отбивалась.

Лёнька побежал к заигравшейся парочке, ему показалось, что пора вмешаться.

Мила закричала, вывернувшись, резко бросилась бежать к пруду. Мальчишка преследовал, почти настиг.

Судя по ситуации, это уже точно была не игра.

Девочка стремительно приближалась к воде, свинцовой в это время года от холода. На траву уже опустилась роса, делая подход к берегу скользким.

Если сейчас она не остановится, не изменит круто направление движения, непременно окажется в ледяной воде, – подумал Лёнька, и оказался прав.

Какие мысли крутились в головке именинницы, неизвестно, только Мила поскользнулась и полетела с обрыва в воду.

В этом месте было довольно глубоко. Лёнька это знал точно, не раз исследовал дно.

Мальчишка-преследователь остановился, как вкопанный, поняв, что натворил, но ничего предпринять даже не подумал, растерянно уставился на барахтающуюся в воде именинницу. Он явно не рассчитывал на подобный ход событий.

Милочка кричала, почти захлёбывалась, беспорядочно шлёпала руками по воде, ещё больше удаляясь от берега.

Её обучили многому, но подобного события папа предусмотреть не сумел. Плавать девочка совсем не умела.

Лёнькино сердце выскакивало из груди. Он приближался прыжками, в ужасе понимая, что может не успеть, на ходу скидывал верхнюю одежду, которая в воде моментально намокнет и потянет ко дну. Не такой уж хороший он пловец, чтобы быть уверенным в себе.

Прыгнув в пруд, он поплыл под водой, отталкиваясь ногами от дна, запомнив предварительно направление, так получится быстрее.

В висках застучало от холода, мышцы начали застывать моментально. Хорошо, что под водой звук передаётся отчётливо. Лёнька поднырнул прямо под Милу.

Девочка, почувствовав прикосновение, испугалась ещё больше, отчего начала усиленно сопротивляться. Пытаясь спастись, она ухватила юношу за волосы, чего он никак не мог ожидать.

Спустя мгновение обе головы скрылись под водой. Почему и как действовал Лёнька, впоследствии он даже объяснить и вспомнить не смог. Руки и ноги двигались сами, на

автомате.

Видимо инстинкт самосохранения, получив адреналиновый допинг, спасал их помимо умений и воли, включив природные резервы физических возможностей.

Так или иначе, оба оказались на берегу, изрядно нахлебавшись воды, но в сознании.

До дома было совсем недалеко. Предложение зажечь костёр, было сходу отвергнуто. Это не выход. Лёнька много раз бывал в походах. Сушиться у костра, значит испортить одежду, а у Милы дорогое праздничное платье, которое скорее всего ещё можно спасти.

– Уйдите! Уйдите все! Нам нужно выжаться, иначе Мила подхватит воспаление. Да живее же. Скройтесь с глаз. Я прошу вас, – почти кричал Лёнька.

Девочки потащили мальчишек в сторону дома чуть ли не силком. Желание досмотреть любопытный спектакль до конца сопротивлялось в них, а вино требовало веселья и лихости.

Лёнька решительно и быстро разделся до трусов, начал выжиматься.

– Не стой же столбом, Мила. Какого чёрта стесняться! Здоровье дороже. Снимай с себя всё и жми. Я помогу. Не обращай на меня внимание. Неужели никогда не видела раздетого мальчишку! Не смотрю я на тебя. Больно нужно.

Мила всё ещё не могла прийти в себя.

– Давай вещи сюда. Куртку только помоги выкрутить, од-

ному никак.

Мила слушалась, но старалась повернуться боком, закрывая грудь руками.

– Молодец, – пытался подбодрить он подругу, – теперь одевай скорее. Что, руки не слушаются, замёрзли? Сейчас помогу. Да не трогаю я тебя. Только не мешай. Живее. Вот дурёха-то! И пусть задом наперёд, никто на нас не смотрит. Главное быстрее, – комментировал и подсказывал Лёнька.

– Пока снимаешь и надеваешь опять липнущую к телу мокрую одежду – совсем застынешь. Всё, молодец, умница. Дрожишь-то как. Теперь приседай. Приседай, говорю. Быстрее. Ещё быстрее.

Девочка отвернулась, начала энергично приседать, потом бегать на месте. Она сама почувствовала, что таким способом можно вернуть телу тепло, но соображала пока вяло.

– Жарко стало? Это хорошо. Значит, заболеть не должна. Задыхаешься? Тоже хорошо, терморегуляция включилась. Побежали. Руку давай. Держись, не отпускай. Стемнело совсем, ничего не видно. Шаги делай маленькие, чтобы не споткнуться в темноте. Двигайся энергичнее. Нам обязательно нужно как следует вспотеть. Слушай мой голос, ничего не бойся. Я с тобой. Сейчас добежим до дома, засунем тебя в горячую ванну, согреем, будешь, как новенькая. Вот ведь какой запоминающийся у тебя день рождения. Это же настоящее приключение. Читала про Гекльберри Финна и Бэки? Детям своим рассказывать будешь. Такое не забывается.

– Если выживу.

– Ну, слава богу, голос прорезался. Мила, ты просто прелесть. Мне бы такую невесту.

– Белую ворону?

– Прости, девочка. Дураки мы были. Вспомнить стыдно. Какая же ты ворона? Синичка. Чик-чирик. Я ведь не соврал, что люблю тебя.

– Лёнька, ну, какая любовь в пятнадцать лет!

Мила остановилась, видимо хотела посмотреть Лёньке в глаза, но видно было только его силуэт. Зато она хорошо чувствовала его сильную руку.

– Настоящая, Мила, настоящая любовь. Мы же с тобой сейчас утонуть могли, на полном серьёзе. Может, нас бы тогда в одном гробу похоронили. Но мы живые и здоровые. Что, если нас любовь спасла?

– Скажешь тоже.

– Устала? Всё равно бежать нужно. Через не хочу. Сейчас второе дыхание появится. Я точно знаю. Вон уже дом показался. Только не упади. У меня силы кончаются, не донесу, если что.

У подъезда собралась вся компания, кроме Генки Копытина, дурачка, который загнал Милу в воду. Испугался, видимо.

Там же был Сергей Степанович, выбежавший только что на шум.

Увидев мокрую дочь и Лёньку, он с укоризной, без зло-

сти, но обиженно, сказал, – я на тебя рассчитывал, надеялся, что ты почти взрослый. Думал, что мужчина, что сумеешь защитить девочку. А болтал, что любишь.

– Не болтал я, правда, люблю. По-настоящему.

– Да, рано вам ещё вечеринки устраивать. Не доросли. А любить и подавно. Ишь ты, по-настоящему он любит.

– Милу, в горячую ванну нужно. Срочно, чтобы не заболела. Растереть и в тёплую одежду.

– Разберёмся, без сопливых.

– Папа, он меня спас. По-настоящему. Я ведь уже захлебнулась совсем, а Лёнька вытащил. Не ругай его, пожалуйста. Я сама виновата.

– Потом расскажешь. Живо домой. Мокрая принцесса. Кто тебя только воспитывал?

– Ты, папочка, ты. Я ничего такого не сделала.

– Сказал же, разберёмся. Но не сейчас.

Ни Мила, ни Лёнька, не заболели. На следующий день они пришли в школу.

Все участники праздника вели себя странно. Девочки сторонились мальчиков, и наоборот. Похоже, вчера закончилось детство.

Мила относилась настороженно ко всем, включая Лёньку. Молчала. После уроков быстро ушла домой.

Юноша не мог понять, что случилось. Что он сделал неправильно? Вино не пил, девчонок не тискал, Милу спас. А теперь с ним никто не разговаривает. Абсурд.

Думы о девочке не покидали его ни на миг. Ни о чём, кроме её милого образа, мыслить стало невозможно.

Понятно, что конкурировать со всеми парнями, например, с Витькой, красавцем, спортсменом и отличником, он не мог.

Однако у него тоже есть козырь, если спасение можно отнести к добродетели. Так это или нет, Лёнька теперь совсем не уверен. Иначе, почему Мила ведёт себя подобным образом?

Вечером к ним домой пришёл Сергей Степанович. Попросил позвать родителей.

– Извини, Леонид, что вчера тебя отругал, не разобрался. Мила мне всё рассказала. Ты один поступил как настоящий мужчина. Я запретил дочери общаться с участниками тех событий, кроме тебя. Хочу пригласить вас, всей семьёй, прямо сейчас, к нам в гости. Надеюсь, не откажетесь.

– Ну что же, – сказал Лёнькин папа. За такое дело и выпить не грех. Я – за дружбу. А ты, мать, как думаешь?

– В гости, так в гости. Мне нужно минут тридцать, чтобы собраться. С собой чего брать?

– Стол уже накрыт. Ждём. Очень обяжете.

Смущать Лёньку, как он боялся, никто не стал. Сергей Степанович пожал руку и обнял, по-мужски.

Ребята поели и пошли в Милкину комнату.

Девочка, молча, показывала ему комнату, альбомы с фотографиями, книги. Она явно стеснялась. Что-то в отноше-

ниях между ними странным образом изменилось. Но пока неосознанно.

Немного погодя Мила села за пианино. Рядом поставила стул для Лёньки.

– Мила, я тебя чем-то обидел, почему ты со мной не разговариваешь?

Девочка задумчиво играла, время от времени украдкой бросая на Лёньку смущённый взгляд.

Краска смущения не сходила с её лица.

На середине мелодии она подняла руки и беззвучно хлопнула крышку инструмента.

Жесты и взгляд давали понять, что она хочет что-то сделать, но никак не решается.

– Я ведь понимаю, что ты спас мне жизнь. И про любовь... ты ведь несколько раз повторил, тоже понимаю. Не представляешь, как мне перед тобой стыдно. Я была совсем голая. А ты не врач, не моя мама, не девочка, наконец. Просто не знаю, что мне теперь делать с этим позором. Считаешь, что я обязана выйти за тебя замуж? Но ведь я тебя наверно не люблю. Не уверена, что бросилась бы тебя спасать, как ты меня. Зачем ты всё испортил, лучше бы дал мне умереть.

– Ничего себе! Никто не заставляет меня любить. Если хочешь, могу уйти. Совсем. И никогда больше не подойду. Только скажи. Ты мне ничем не обязана. Да и умирать тебе рано. А любить всё равно буду, не запретишь. Это мои чувства, значит, и решать тоже мне. Ну что, уходить?

– Нет, побудь со мной. Мне нужно подумать. Серьёзно подумать. Не хочу в пятнадцать лет становиться женой.

– Глупенькая ты, Милка. Любовь приходит, когда захочет, если есть, кому дарить свои чувства, но это совсем не значит, что нужно жениться. Всё будет хорошо, вот увидишь.

– Лёнь, а почему, когда мы в догонялки играли, ты меня целовать не стал, как другие мальчишки?

– Мне не нужен такой выигрыш. Если бы ты сама захотела, чтобы я... чтобы тебя... я по любви хочу. Ты очень красивая. И вообще...

– Скажи, только честно, ты всё успел рассмотреть?

– О чём ты! Да ничего я не видел. Совсем ничего. Некогда было разглядывать. Думал лишь о том, чтобы ты не заболела.

– Я сама удивилась, что никаких последствий после купания в ледяной воде нет. Даже насморка. Обычно, ноги промочу и готово – воспаление, простуда, температура. Мы же в холодной воде купались, потом гольшом на мокрой траве скакали. А у меня ничего. Что, если это правда, любовь! Хотела у мамки спросить, да боюсь, что ей мои вопросы не понравятся.

– Если любовь, никого спрашивать не придётся. Она сама о себе даст знать. Главное, ничего выдумывать не нужно. Знаю я вас, девчонок. Из чего угодно можете роман в десяти томах сочинить.

– Я тебя попросить хотела. Только ничего такого не подумай. Давай поцелуемся. Мне нужно понять, как это... и за-

чем.

Мила зарделась, опустила глаза, ожидая ответа, словно расстрельный приговор трибунала.

– Давай. Кто, кого целовать будет?

– Сначала ты меня. Потом я. Хочу узнать, что лучше.

– А если и так, и так не понравится?

– А мне и так не понравилось, когда мальчишки слюнявили. Особенно Генка. Я почему побежала-то? Он, паразит, в трусы полез.

– Хочешь, я ему морду набью?

– Зачем? Если ещё приставать начнёт, я сама сдачи дам.

Там... просто я растерялась. Знаешь, как обидно было!

– Мила. Можно и я тебя попрошу?

– Давай.

– Когда целоваться будем, глаза не закрывай, ладно?

– Я постараюсь. Только сразу предупреждаю, я щекотки боюсь.

Мелодия дождя Глава 3

Когда в комнату постучали родители, поцелуйная проба входила в продолжительную стадию. Оба были красные, как раки, но счастливые. Кажется, Миле эксперимент понравился.

– Ну-ну, – сказал Сергей Степанович, – не увлекайтесь. Надо же, разошлись. Рановато мне ещё внуками обзаводиться. И вообще... я против ранних браков.

– Па, ну чего ты, мы только попробовали.

– Вот именно. С этого всё и начинается. Тоже мне, героини-любовники. Попродержите коней. Мамка, ты, во сколько лет первый раз целовалась?

– В четырнадцать, а что?

– Кхм-м, Милке-то уже пятнадцать. Ты мне этого не рассказывала. Хочешь сказать, что ей уже пора, уже можно? Ну и дела. Тогда извиняйте, господа. Только это, ну, под моим контролем. Без меня – ни-ни. Усекли! Когда они вырасти-то успели?

До конца октября не пролилось и капли дождя. Лишь бесноватый ветер портил погодную идиллию, забираясь в кроны деревьев, срывая пурпурные и оранжевые листья с зелёными прожилками.

Ребята бродили, по драгоценным россыпям золотого листопада, крепко держась за руки, пинали и подбрасывали

резные банкноты, которыми деревья расплачивались с осенью, думали о приключениях, о любви, и о вечности, которая представлялась им удивительной и яркой.

О чём же ещё думать в пятнадцать мальчишеских лет, как не о бесконечности, которая в этом возрасте предпочитает не торопить события, щедро раздавая заманчивые обещания?

В почти избавившихся от остатков листвы кустах чирикали, обсуждая свои птичьи проблемы, стайки нахохлившихся воробьёв, время от времени затевая драки из-за лакомой находки, хотя кругом было полное изобилие семян и ягод.

Синички, ни с кем не ссорясь, отрывали алые ягодки рябины, улетали, и вскоре возвращались обратно за новой порцией.

Приятно пахло прелыми листьями, тучной почвой, холодным воздухом, и конечно девочкой Милой, благоухающей молодой свежестью от свалившегося на неё вдруг безразмерной величины счастья.

Теперь она понимала, что совсем не обязательно знать, что такое любовь, если это чувство уже с тобой, точнее в тебе.

Неужели действительно один единственный поцелуй способен зажечь неугасимое пламя самого настоящего, накрывающего с головой, растворяющего в мареве чувственности личного счастья, – рассуждала девочка, старательно создавая сценарий сказочного продолжения, наделяя между тем Лёньку бесконечным списком неоспоримых, поистине вол-

шебных достоинств.

Потом началась зима со снегами и метелями, когда они развешивали в лесу кормушки для белок, катались на санках и лыжах, читали дома, в тепле, книжки с приключенческими сюжетами вслух.

Незаметно с обилием интересных событий пролетела весенняя колесница, разбрасывая вокруг букеты и клумбы, а следом плоды и ягоды.

Начались летние каникулы, когда Милочку увезли, сначала на берег моря, позже к бабушке в деревню. Потом Лёньке пришлось тащиться в отпуск со своими родителями, хотя душа рвалась к любимой.

Он не просто скучал, страдал, усердно вычёркивая дни на календаре до момента встречи.

Свидание было настолько радостным и бурным, что началось со слёз.

Потом что-то пошло не так. То ли земную ось перекосило, то ли там, наверху, Создатель что-то в сценарии их судеб перепутал.

Снова пришла осень. Только теперь Лёнька шуршал и хрустел листьями совсем один.

Перемены в их отношениях наступили в середине сентября, когда Мила неожиданно и резко стала избегать встреч, ничего толком не объясняя.

Впрочем, о причинах нечего было гадать. Она вдруг пересела за Витькину парту. С ним же ушла домой.

Назвать такую метаморфозу изменой или предательством было невозможно. Мила ничего ему не обещала. В любви тоже никогда не признавалась.

Это Лёнька постоянно твердил о своём чувстве. Может только из-за этого девочка приняла детскую влюблённость за настоящее чувство?

На шестнадцатый день рождение его не пригласили.

Юноша весь вечер, пока гости не разошлись, пока не погас в окнах свет, стоял во дворе, надеясь на чудо, которого так и не произошло.

Осень наступила не только как сезон года.

Листья, окрашенные в пурпур обливающейся кровью души, облетали с его первой любви.

На следующий день Лёнька решился на серьёзный, откровенный разговор с Милой.

Девочка колебалась, прежде чем впустила его в квартиру, усадила в кресло и будничным голосом сказала, что пора понять, она любит другого, и это не обсуждается.

– Прости, Лёничка, я же не виновата, что влюбилась.

– Значит, меня ты не любила?

– Я же честно говорила, что не знаю. Мне с тобой было хорошо. Но настоящие чувства оказались совсем другими.

– Ты уверена, что они настоящие?

– Наверно я его и раньше любила, только не до конца понимала это.

– Как же ты об этом узнала? Мы целый год вместе, что-то

я никаких особенных чувств между вами не замечал.

– Лёня, я не хочу выяснять отношения. Поверь, мне тоже непросто. Мама сказала, что первая любовь обычно быстро кончается, что её нужно пережить, как ненастный сезон года, а потом о ней помнить, как о самом светлом в жизни чувстве. Я никогда не забуду, как ты меня спас, как учились целоваться, как мечтали о счастье. Даже если мы любили друг друга, наверно выросли из этого незрелого чувства. У нас же с тобой ничего не было, мы только целовались, и всё.

– Ты шутишь, Мила, как это ничего?

– Я имела в виду, ничего серьёзного, взрослого.

– Разве может быть что-то, весомее самой любви? Ты же совсем не знаешь Витьку. Уверена, что он действительно любит тебя?

– Прости. Мне очень жаль, что так вышло, но обсуждать наши с ним отношения с тобой я не хочу. Давай останемся друзьями. Ты очень хороший. Наверно даже лучший. Но оказалось, что не это главное. В том, что люблю Витю, я ни секунды не сомневалась.

– Видно, недостаточно хорош. Скажи, Мила, чего ты в нём нашла такого, чего нет у меня?

– Я не знаю ответа. С Витей у нас не так, как с тобой. Когда мне исполнится восемнадцать, мы поженимся.

– Значит, не передумаешь!

Мила покачала головой, выражая тем самым решимость, глаза её сверкали влагой наворачивающихся слёз, и открыла

дверь, чтобы выпустить Лёньку.

Честно говоря, девочка сама себя не понимала. Она стояла с обратной стороны двери и редела.

Это был самый тяжёлый, самый бессмысленный год в его жизни. Лёнька поклялся: ни за что и никогда не связываться с девчонками, не верить им, и не любить.

Мелодия дождя Глава 4

Как же нелепо и нелогично устроена жизнь, если каждый из нас, глядя на один и тот же предмет, видит его по-разному.

Разве можно не заметить, даже пренебречь направленными на тебя нежными чувствами, – размышлял Лёнька, – её влюблённые, до невозможности счастливые глаза... не могли же они обманывать.

Лёнька отчётливо видел искренность и честность, с которой Мила прижималась к нему, испытывая настоящий восторг от единения. Какая сила должна была вмешаться в их отношения, чтобы походя разорвать эту волшебную связь?

Что он может сделать, чтобы показать любимой, насколько она дорога ему?

Лёньке хотелось вернуться к прошлому, выяснить отношения, объяснить ошибочность Милкиного поступка, – она просто не понимает...

Время шло, но легче не становилось. Умом юноша признавал, что придумал для себя замечательную сказку с красивым сюжетом, но она неожиданно начала жить самостоятельно, независимо от его желаний, не дождавшись, когда естественным образом последует романтическое продолжение.

Любимая девочка решила жить и чувствовать иначе, что оказалось для него чрезмерно болезненным.

Отпустить её, точнее не её, себя, с бесплодными пере-

живаниями и накрученными эмоциями, но как! Образ любимой, жизненная энергия её присутствия, впиталась в его плоть и кровь, в каждую клеточку тела.

Между ними возникла незримая, но реально чувствительная связь, природу которой он не в силах понять.

Каждую ночь Мила приходила к нему во сне: смеялась, дурачилась, танцевала, не подпуская при этом близко. Потом разворачивалась, призывно манила рукой и убегала в сторону глубокого обрыва, причём громко смеялась, словно ей было ужасно весело, и каждый раз смело прыгала в бездну.

Каждую ночь убегала и каждый раз прыгала.

Лёнька пытался остановить любимую, хватал на последних сантиметрах перед пропастью за руку, но не мог удержать, и летел в бездонную пропасть вместе с ней.

Её лицо во время падения, долгого, мучительного, страшного, становилось бледным, потом вытягивалось, глаза краснели, длинные зелёные волосы колыхались, словно в невесомости.

Девушка ласково, но решительно, обнимала его. Внизу блестела свинцовая вода. Они вместе погружались в тёмную пучину, кишащую пузырьками воздуха, словно к их ногам был привязан тяжёлый груз.

Через мгновение Лёнька начинал задыхаться.

Мила зловеще смеялась, затем растворялась в ночи и исчезала.

Лёгкие между тем наполнялись водой. От удушья и осо-

знания того, что жизнь прекращается, Лёнька просыпался в холодном поту, беснуясь от предчувствия чего-то реально произошедшего.

Заснуть после этого не получалось.

Каждый раз Лёнька задавал себе один и тот же вопрос, – спас бы он Милу, зная точно, что будет дальше, хотя понимал, что рисковал совсем не для того, чтобы ей обладать.

Юноша хотел, чтобы любимая была счастлива, но ещё больше, чтобы безмятежное блаженство было совместным.

Он понимал, что болен любовью, что надежды на взаимность напрасны и бессмысленны, но не видел выхода из создавшейся ситуации.

Иногда Лёнька останавливался, увидев Милу на улице, смотрел на неё вопросительно, пытался окунуться в глубину её серых глаз, словно нарисованных на картине, но девушка краснела и отворачивалась, отчего становилось ещё больнее.

Ему до жути хотелось с ней поговорить, узнать, о чём девочка думает, что чувствует. Невозможно поверить, что можно вот так, запросто, выкинуть из головы и из сердца человека, с которым была счастлива.

Как же это унизительно и ужасно, нуждаться в том, кому ты совсем не нужен.

Юноша не нашёл другого выхода, кроме попытки отвлечь внимание на учёбу и спорт.

Была ещё мысль попроситься в армию сразу после десятого класса, но Лёнька ненавидел оружие и право сильного.

Это остановило от скоропалительного решения.

Тогда его умом завладела мысль стать заметным и значимым. Опять же, не просто так, чтобы доказать ей, Милке, как же она неправа. Вот только интересуется ли девушку судьба бывшего парня, он не знал.

Любые, даже самые сильные переживания, невозможно множить, воспроизводить и испытывать вечно. Как и всякая материя, эмоции выцветают, тускнеют, блекнут.

Со временем приходит понимание невозвратности, быстротечности, бренности. Боль рано или поздно обязательно рассосётся, отпустит немилосердную хватку. Останутся сладкие воспоминания, может быть самые яркие из всех, которые предстоит пережить. И благодарность, к тому, кто их подарил.

Жизнь продолжается.

Не всегда происходит так, как хочется. Наверно, это тоже для чего-то необходимо. Значит, нужно позаботиться о будущем, точнее о настоящем, сделать правильные выводы из уроков судьбы.

Прежде всего, надо исключить из меню предсказуемых событий любовь, раз уж она доставляет столько душевных страданий и боли. Неважно, кто виноват. Наверняка, Мила переживала не меньше. Но верить женщинам Лёнька больше не намерен.

То, чего невозможно понять и объяснить, не должно иметь власти над разумом. Любовь слишком непредсказуе-

ма, слишком болезненна. Сколько бы она не имела плюсов, это азартная игра со случайным исходом, а горячая голова и кипящие мозги не могут способствовать настоящему счастью.

Человеку всегда будет мало того, что имеет, как бы хорошо ему не было в период расцвета интимных отношений.

Любовь нанесла Лёньке сокрушительный удар, но он не собирается на него отвечать тем же. Нужно научиться жить без любви, только и всего.

Но письмо подруге юноша написал. Очень уж тяжело было хранить в себе насыщенные беспокойством и навязчивыми волнениями эмоции. Угнетала необходимость хоть кому-то излить душу.

Для исповеди понадобились двадцать тетрадных листов и два полных вечера, длившихся до утра. Лёнька старался, переживал повторно каждое счастливое мгновение, воспроизвёл множество диалогов, вспомнил выражения Милкиного лица, её красноречивую мимику, выразительные жесты, мелодичный голос, насыщенные восхитительным очарованием запахи, неповторимый вкус поцелуев.

Временами ему казалось, что описываемые события происходят в реальности, так живо реагировали воспоминания на все органы чувств, что ещё не поздно вернуться к самому началу, что можно, если очень сильно захотеть, повторить каждое счастливое мгновение, тем более исключить невольные ошибки.

Когда текст был закончен, Лёнька начал его редактировать. Вычеркнул все слова и фразы, так или иначе обвиняющие, осуждающие поведение любимой, дающие ей негативную оценку, добавил по максимуму восхищённых эпитетов и сравнений, всё, что сумел наскрести в довольно объёмном словарном запасе. В конце написал многократное спасибо с большими восклицательными знаками.

Прочитал послание ещё несколько раз, немного всплакнул, запечатал конверт... и сжёг, поставив тем самым жирную точку на самом факте неудачной любви.

Пусть она останется в сердце светлым и ярким пятном, а не комком грязи, – решил Лёнька.

Как приятно было после акта отречения бродить по лесу в одиночестве, не произнося, не слыша ни единого слова. Лишь приглушённые звуки леса, шуршание, невнятные шорохи, полные таинственности, оттого, что не всегда возможно угадать их природу.

То ли ты действительно что-то услышал, то ли померещилось. Словно попадаешь в иную реальность, не совсем настоящую.

Кажется, что под покровом огромных стволов, уносящихся ввысь, где шевелятся на холодном ветру ажурные переплетения голых ветвей, доносится тихий шёпот. Возможно, деревья делятся между собой впечатлениями. Очень тихо, чтобы не нарушить покой многочисленного лесного населения, крайне застенчивого и пугливого. Обитателей и увидеть-то

можно лишь притаившись, да и то невнятно, мельком.

Обернёшься на шум, травинка сухая вибрирует. Мышка ли пробежала, уносящая в норку последние предзимние припасы, пичуга ли вспорхнула, голодная и промокшая, а может просто сухая веточка надломилась и спланировала, но в голове скребутся выдуманные от испуга сказочные персонажи.

Когда над кронами деревьев разгуляется ветер, недвольные стволы шумят, потрескивают, пытаются прогнать нежданного гостя, раскачиваются, скрипят, чтобы его напугать.

В такие минуты к проходящим под ними людям подкрадывается страх, рождаются немыслимые фантазии, заселяющие поляны и чащи всякой выдуманной от страха или избытка впечатлительности разнообразной магической нечистью.

В детстве Лёнька перечитал множество книг, где шишиги, лешие и кикиморы наводили ужас на любого, кто вступил ногой на их территорию. И ведь верил в их существование, по-настоящему, до дрожи в коленках и мурашек по всему телу. Особенно боялся бабая, приходящего ночью к непослушным детям, которые не засыпают вовремя.

Несмотря на детские опасения, лес он любил беззаветно, проводил в нём всё свободное время. Поляны и чащи пробуждали сильные эмоции, дарили радость. Но сейчас Лёнька брёл, не разбирая дороги, не обходил даже бурелом, погружённый в трясину неразрешимых проблем и переживаний,

суть которых сложно было осилить.

Собственно, леса он просто не замечал. Не до него было. Душу рвало прощание с прошлым, точнее, с любовью и с Милкой.

Навалилась, назрела, словно воспалённый фурункул, необходимость переоценки ценностей. Того и гляди прорвёт. Сцепились в голове непримиримые противники – любовь против ненависти и безразличия. Оказывается и так бывает. Сколько ни бился Лёнька, старательно вытаскивая из душевных хранилищ сентиментальные чувства, не мог никак что-либо, касаемое Милы, вывести за скобки, чтобы можно было со спокойной душой выбрать способ дальнейшего существования.

Чего только не передумал. В голову приходили немислимой дикости намерения, от планов мести до желания покончить с собой. Хотелось бросить всё, включая дом и родителей, взять в руки посох, отправиться, куда глаза глядят, вырыть землянку, поселиться в глухом заброшенном углу, жить в полном одиночестве наедине с дикой природой.

Как же тяжело было видеть Милку и его, некогда лучшего друга. Оба переполнены эмоциями: энергичные, счастливые, радостные от сознания влюблённого состояния.

Вокруг Лёньки кипели события, которые его больше не интересовали. Совсем.

Казалось, что первыми утренними заморозками, распускающимися белыми цветками на почве, застудило что-то

очень важное внутри, закупорило сосуды, питающие желание жить и созидать.

Самая большая мечта юноши – стать путешественником, биологом. С детства Лёнька бредил странствиями, читал и перечитывал всё, что мог достать, о географических открытиях и биосфере. Нет для него более благодатной нивы на Земле. Ещё больше хотелось стать отшельником, чтобы не видеть больше коварных женщин, да и вообще людей.

Поэтому и поступил учиться в Университет. Больше нигде на биологов не обучают. Сдать экзамены было очень непросто, но он справился.

Там Лёнька и встретил Алину, сероглазую девушку, чем-то она неуловимо напоминающую Милку.

Шуструю девчонку он поначалу не только не заметил, сознательно проигнорировал. Даже пытался поставить на место, чтобы не приставала.

Девочка, однако, оказалась упорной, настойчивой.

Непонятно, чем Алина руководствовалась в настырном желании познакомиться с юношей, но прилипла к нему, словно банный лист к голому задку. Не только разговорить сумела, намертво к себе приклеила.

Он вообще старался не обращать внимания на девочек. Какое ему дело до коварных красавиц, у которых голова только тем и забита, что непрестанно думать о том, как они выглядят да что про них скажут.

У Лёньки есть долгосрочный интерес и серьёзная страте-

гическая цель, которая связана с единственным пристрастием. Он пришёл учиться профессии, и не собирается забивать голову романтическим вздором, капризным и легкомысленными особами, единственная мечта которых, встреча с героем-любовником, с самой колыбели старательно шьющим для них алые паруса.

Теперь он знает, что в поисках принца на белом коне они принимают второго за первого. Женщинам вообще нельзя верить, поскольку их чувства непостоянны, а желания легкомысленны и скоротечны.

Возраст сказок юноша благополучно перешагнул. Есть дела куда важнее и интереснее поисков любви. Лёньку ждут путешествия и приключения, находки и открытия.

К чему ему думать о таких пустяках, как любовь! Это занятие для слабаков, у которых нет стремления к познаниям и странствиям, которые понятия не имеют, почём фунт лиха.

Если им больше нечем заняться, пусть плодятся и размножаются, пусть пускают романтические слюни, чтобы потом пожалеть о том, что упустили в жизни самое главное – возможность стать состоявшейся личностью.

Придёт время, когда и им доведётся пожалеть, что спустили в канализацию возможность профессионального роста в пользу потребления и сомнительных телесных удовольствий.

К тому времени, когда Лёнька станет знаменитым исследователем, они уже успеют разочароваться в любви и семей-

ных ценностях, может быть задумаются о том, что в угоду страстям проигнорировали возможность стать известными и признанными.

– У каждого своя жизнь, – рассуждал Лёнька, – создавать и обустроить её нужно своевременно. Для того и оделила нас природа разумом, чтобы им пользоваться в нужное время.

Лёнька думал и действовал азартно, самоотверженно, скрупулёзно впитывал знания весь первый курс. Дни и ночи он проводил в учебных аудиториях, лабораториях, и в библиотеке.

Правда, реальность оказалась совсем иной, чем представлялась вначале. Работа биолога почти полностью состояла из скучных лабораторных исследований, многочисленных однообразных опытов, нескончаемых регистраций исследований и записей, смысла которых Лёнька не мог понять, потому, что они никуда не вели. Сотни экспериментов с почти незаметными изменениями, точно не приводили ни к каким значимым результатам, не были интересными, захватывающими.

Открытий не случилось.

Заниматься рутинной работой было попросту скучно. Его тянуло на природные просторы, где свежий воздух, изумительные пейзажи, изобилие разнообразной жизни.

Юноша жил и видел иначе. Он готов познавать и изучать, но хочет быть непосредственным участником реальных событий, которыми наполнена дикая природа.

Путешествия и изучение жизни в полевых условиях оказались уделом немногих, кто уже успел состояться как учёный и имел серьёзное финансирование. Все прочие горбатились на них, оставаясь в тени, не имея никаких перспектив.

Синяя Птица удачи начинала рваться из рук, хотя он не успел до неё даже дотронуться. Собираемая им по крохам информация о возможностях выпускников указывала на то, что заниматься любимым делом можно, но для этого нужно отказаться от научной карьеры и жить отшельником. Такой расклад его не устраивал.

Поверить в своё фиаско, значит распрощаться с мечтой. Этого Лёнька себе позволить не мог. Значит, нужно стараться ещё более истово, чтобы заметили.

Он и старался.

До поры быть одним из лучших ему удавалось. И всё же усталость со временем дала о себе знать. На втором курсе, чтобы расслабиться, приходилось уезжать с книгами на природу, чтобы свежий воздух и творческая обстановка помогали сосредоточиться.

Однако, даже окунаясь в любимую стихию, Лёнька не мог собраться с мыслями. Тем более, что осень и лес всё время напоминали о первой любви.

Что-то важное в его жизни ускользало, память сопротивлялась отправлять романтические события на свалку времени, несмотря на усилия.

Сосед по комнате, Пашка Юдин, постоянно звал его на

студенческие вечеринки. Что это такое, Лёнька понятия не имел, но когда в ум ничего не идёт, можно опробовать и такое лечение.

Мелодия дождя Глава 5

Родители Алины достаток имели довольно скудный, но по мере возможности баловали единственного ребёнка, посылали небольшие деньги на жизнь ежемесячно.

Этих средств на всё не хватало, но бедствовать не приходилось. Девушка, как большинство сверстниц, любила яркую одежду, развлечения и сладкое.

Она не отказывала себе в воскресных вечеринках, походах в кино и на танцы. С мальчиками тоже общалась охотно, но была разборчива в связях.

Может быть, потому её выбор и пал на Лёньку, что с любой стороны тот выглядел позитивно. Во всяком случае, его глаза не горели похотью, стремления волочиться за каждой юбкой тоже не наблюдалось.

Было ли этого девочке достаточно, она и сама не знала, но возрастные особенности диктовали неодолимое желание общаться с мальчиками. Да и подружки начинали насмехаться над её девственной скромностью.

Алина сама была девочкой характерной, но в Лёнькином лице столкнулась с ещё большей проблемой. Парень был явно напуган любовью, категорически не хотел знакомиться.

Девушка поначалу отчаялась, когда юноша сам нечаянно подсказал правильный ход. Сначала это была просто игра, развлечение. Со временем правила забавы менялись, выиг-

рыш перестал интересоваться, поскольку взамен появился более значимый бонус – яркие эмоции и невероятной силы приятные ощущения.

Когда в уши полился поток сладких речей и нежностей, сердце Алины затрепетало, выдав подсказку, что это и есть любовь. А если так, необходимо её принять и ответить тем же.

Дальше экспресс с чувствами полетел без остановок, разве что временами выскакивали как чёрт из табакерки некие сомнения, да и те исчезли, как только отношения перешли во взрослую плоскость.

Алина намеренно отрицала перед любимым желание выйти замуж. Обычная женская тактика: хочешь иметь – завоеуй. Всё, что даётся даром, не ценится.

Это правило девочка усвоила на пятёрку. А ещё заманчиво-пленительный вкус манипуляций, позволяющих выдавать личные желания за его собственные стремления.

Лёнька со временем до такой степени впал в зависимость от улыбки и одобрения девушки, что испытывал от них поистине волшебное наслаждение. Плевать ему было на то, что свой эгоизм подружка даже не камуфлировала, выдавая для реализации нескончаемые желания открытым текстом.

Что с того, что ему приходится работать и учиться в то время, когда подружка развлекается на вечеринке. Зато ему почти ни в чём нет отказа. Ведь Алина уже без пяти минут его жена.

Кстати, девочка умеет быстро и вкусно приготовить, если есть из чего. Для ребят, живущих в общежитии на малую копейчку, это очень ценное качество.

Для неё не проблема подшить, ушить или починить одежду. Алина умеет вязать тёплые вещи на спицах, всякие салфеточки и фенечки, вроде ажурных манжет и воротничков.

Однажды девушка удивила Лёньку, связав себе за два вечера театральную сумочку, которую украсила разноцветным блестящим бисером, когда он пригласил её в театр.

Выглядела Алина в тот день бесподобно, хотя практически не воспользовалась косметикой. Лёнька не столько смотрел спектакль, сколько наблюдал за её счастливой реакцией. И не он один, кстати.

Конечно, сидели они на галёрке, зато ужинали в кафе "Прага", где ели цыплёнка табака и пили марочное красное вино.

Алина не стеснялась предложить Лёньке свои услуги, чтобы простирнуть что-либо по-быстрому, могла погладить рубашки и даже брюки. Лёнька обычно стеснялся, отказывался, но девочка умела настоять на своём.

Единственное, что Лёньку расстраивало, упрямое нежелание знакомить его с родителями. Объяснять свой отказ, девочка не желала, предпочитая гасить вопросы поцелуями, нежными взглядами и хлопками ресниц.

Юноша не настаивал. В конце концов, это личное дело

каждого.

Лёньку вполне устраивал формат отношений. Даже обидные слова и претензии Алина умела подать без эмоций, не используя для этого силу голоса или агрессивную тональность.

В конце концов, любые контакты имеют иногда негативный оттенок, что с того! Даже его родители порой беседуют на повышенных тонах, хотя имеют за плечами многолетний опыт общения.

Не может и не хочет юноша обижаться на свою маленькую девочку, такую беззащитную и хрупкую. Когда Лёнька привлекает её к груди за голову, губами Алина едва дотягивается до его шеи. Чтобы поцеловать в губы встаёт на носочки.

Когда влюблённые остаются одни, юноша берёт девочку на руки и кружит, кружит, пока не начнут мельтешить искорки в глазах. Тогда отпускает, удерживая едва стоящую на ногах Алину, и целует, целует.

Слаще её губ наверно нет ничего на свете. Впрочем, отдать предпочтение отдельной черте лица Лёнька не может, день и ночь мечтает обо всём, что связано с ней.

Однажды у них было несколько часов уединения в комнате студенческого общежития, когда Алина расхаживала в его рубашке. Теперь мальчишка кладёт эту реликвию ночью на свою подушку, чтобы вдыхать божественный запах.

Кстати, Алина до сих пор спит с мягкими игрушками, предпочитая маленьких плюшевых медвежат. Несмотря на

созревшее тело, тренированный ум и развитую чувственность, она так и осталась ребёнком, способным заплакать, если чего-то не понимает, не может, например, сдать зачёт.

Лёнька сам ненамного опередил подружку в развитии зрелых качеств, но безоговорочно взял на себя ответственность за её благополучие.

Глядя со стороны, кажется, что он относится к ней, как к своей дочке. Алина, напротив, поступает, как сварливая жена, постоянно поучая и требуя подчинения. То ли тренируется командовать, то ли заранее резервирует за собой право безоговорочно властвовать.

Лёньку замашки её лидерства несколько не раздражают.

Появилась Алина в Лёнькиной жизни на одной из студенческих вечеринок, в первом семестре на втором курсе.

Юноша, как обычно, устроился подальше от веселящихся товарищей, удовлетворяясь шумным фоном мероприятия с интересной книгой в руках. Ему достаточно было общего настроения вечеринки.

Шум несколько не мешал читать. Напротив, музыка позволяла сбросить напряжение.

Первое время парня тормозили, предлагали выпить, курнуть или потанцевать, то со временем привыкли не обращать внимания на непонятого ботаника, которого не волнуют танцы, вино и девушки.

Алина уверенно подошла к нему и уселась рядом. Долго сосредоточенно смотрела на Лёньку.

– Довольно яркая девочка, как золотая осень, но что с того, – отметил Лёнька на автомате и уставился в книгу.

Он намеренно делал вид, что углублён в захватывающее повествование, не поднимая глаз. Видел лишь мельком, что она не знает, как приступить к штурму, но явно готовится перейти в наступление.

– Ты всегда так общаешься с девушками?

– Как?

– Не замечаешь, словно я пустое место?

– И с мальчиками тоже. С некоторых пор не люблю праздность и близкие контакты. Одному спокойнее.

– Тогда, зачем ты здесь?

– Слушаю музыку, пытаюсь избавиться от эмоциональной усталости, расслабиться.

– Получается?

– Как посмотреть, мне здесь нравится.

– Ещё бы. Но пойми, невозможно снять утомление от интенсивной учёбы чтением. Необходима перезагрузка, смена вида деятельности, или положительные эмоции. Например, любовь, танцы.

– На кого я должен эти эмоции положить, – пустил в ход иронию Лёнька.

– Допустим на меня, что – не нравлюсь! Подними глаза, улыбнись, расслабься. Я детишек не ем. Просто поговори со мной.

– Ну, поднял. Дальше что?

– Я красивая, скажи! Меня, между прочим, Алина зовут.

– Не берусь судить о степени вашей привлекательности, мадам, у меня нет на этот счёт буквально никакого опыта. По-моему, все девчонки одинаковы. К тому же у многих вздорный характер.

– А мальчишки! У вас, конечно, с характером и прочим всё в порядке!

– Зависит от интеллекта... и темперамента.

– Получается, ты, тебя ведь Леонидом зовут, ничем не интересуешься. Надо же, какой неразговорчивый. Разочаровался в любви, или тебя кто-то здорово обидел?

– Просто устал, не хочу ни в чём принимать участие. Наблюдаю, слушаю, читаю. Берегу эмоции.

– А злишься почему, тем более на всех, в том числе на меня?

– Чего тебе от меня нужно! Сижу – никого не трогаю. Велю!

– Поговорить хочу. Как мне к тебе обращаться, как звать?

– Зачем меня звать, я не собираюсь знакомиться. Вы мне мешаете читать. Если не сложно, поищите другой объект для подобного рода экспериментов.

– Я тебе не понравилась?

– Не имеет значения. Сейчас вы пойдёте танцевать и забудете о моём существовании. Это же так очевидно. Со мной неинтересно. Мне с вами, если быть до конца честным, тоже.

– А мне, между прочим, напротив, очень даже хочется по-

знакомиться. Ещё на прошлой вечеринке заметила одинокого отшельника, не обращающего внимание на мелькание юбок и танцевальные ритмы.

В тебе чувствуется мужественность. Наблюдала, как ты ходишь, сидишь, думаешь, читаешь. У тебя широкие плечи, развитые руки, пружинистый шаг. Ты очень привлекателен... как мужчина. Иначе, зачем бы я к тебе подошла? Не верю, что ты на самом деле невежа. Хочется верить, что это напускное. Уверена, причина в девушке. Скорее всего, безответная любовь. Угадала? Впрочем, я не прорицательница. Ну что, поговорим?

– Блажь. Ни вам, ни мне это не доставит удовольствия. В моих жизненных планах, во всяком случае, на ближайшие десять лет, контакты с женщинами исключены. Влюблённость, вожделение, страсть – тоже не предусмотрены личными планами. Меня интересует профессия, сумма знаний, практические навыки.

– Позволь не поверить. Двадцать лет – возраст любви. Все мальчишки сгорают в пламени чувств. Ты что, особенный?

– С чего вы взяли, что все мужчины – жертвы банальной похоти, богатый жизненный опыт?

– Фу, как вульгарно. Разве можно ставить рядом любовь и похоть? Тебе непременно хочется меня оскорбить, зачем! Неужели я выгляжу дешёвой девочкой, которая напрашивается на ночь в постели?

– Как вы думаете, что может чувствовать мужчина к на-

стырной незнакомке, которая пытается залезть к нему в душу, если он этого совсем не хочет? Открытым тестом говорю, мне неприятно ваше внимание.

– Ах, вот, значит, как! Наглая, вульгарная, настырная вертихвостка пытается навязать своё общество интеллигентному мужчине, продолжай!

– Я так не говорил. Мне неизвестны, ни положительные, ни отрицательные ваши качества. Больше того, знать мне всё это незачем. Не ин-те-рес-но. Расслышали? Вы для меня просто надоедливая прохожая. Вот и проходите. Мимо.

– Даже так! Да ты действительно грубиян. Девушка вежливо просит, не об услуге, просто поговорить, и что слышит в ответ... проходи мимо! Неужели тебя во мне ничего не зацепило? Я ведь хорошенькая, молодая, стройная. У тебя глаза есть?

– И уши тоже. Они утомились. Нет у меня желания, разглядывать первую встречную, даже прехорошенькую. Скажите, Алина, если я внимательно посмотрю на вашу внешность и предельно честно выражу своё мнение, вы от меня отстанете?

– Смотря, какое мнение.

– Положительное. Я вижу превосходно сложенную, физически развитую, опрятную, ухоженную, вполне подходящую для воспроизводства потомства самку человека. Если отдельно рассматривать экстрерьер, например, по пятибалльной шкале, то передо мной достойный представитель вида

хомо сапиенс с оценкой в четыре балла. Ещё мне бросилось в глаза, что объект половозрелый, активно стремящийся к реализации инстинкта размножения. Что-нибудь ещё хотите узнать или этого достаточно? Тогда разрешите откланяться. Я вас больше не задерживаю.

– Как самку ты меня оценил достойно. Четыре балла. Надо же, как щедро, ничего не скажешь! Забавно, даже немного весело. Сколько всего интересного я о себе узнала. Может быть, ты боишься, что я способна тебя съесть, как это делает после акта любви самка богомола?

– Похоже, самка человека отъедает мозг мужчине задолго до того, как он решится с ней познакомиться. Почему вы такая настырная?

– Ничуть. Мы же на вечеринке. Если ты не приглашаешь меня танцевать, должна же я чем-то заняться. Продолжаем знакомиться. Судя по твоей реплике, как сексуальный объект я тебя вполне устраиваю. А как девушка?

– Алина, что вы можете сказать о стуле, на котором я сижу?

– Он деревянный. Лакированный. С мягким сиденьем.

– Вот именно. А ваш стул?

– Они одинаковые.

– Вы забыли сказать, что они не очень удобные. Спина устаёт. Так вот, для меня все девушки похожи, как эти стулья. Не вижу разницы.

– Ни фиги себе, теория. Ходят, значит, вокруг него одина-

ковые, очень неудобные самки, мечтающие об оплодотворении, да ещё имеют наглость приставать к мужчине, который нисколько не самец. Но кто же ты тогда!

– Приблизительно так. Нивелировать неточности не стану. Чем меньше понравлюсь, тем быстрее от вас отделаюсь.

– Но чем-то мы, женщины, всё же, друг от друга отличаемся? Я уже не говорю о том, что нас, меня например, не стамеской делали. Например, запах, причёска, фигура, интеллект, характер... мы совсем не похожи.

– Извините, я к вам не принохивался. Запах розы, сирени, ночной фиалки, знаю. Способен отличить один от другого, даже в темноте. А женщин, увы. Не вполне уверен, что мне ваш запах понравится. Ноги, попа, грудь, длинные волосы – то, что на виду, как под копирку. Чуть больше, меньше, различной формы, размера, цвета, только и всего.

– Ты что – девственник!

– И что в этом такого!

– Просто интересно. Я тоже не имею постельного опыта. Однако испытываю определённые эмоции от общения с юношами. Могу уверенно сказать, симпатичны они мне или нет, и чем именно. Честно говоря, удивляюсь, почему до сих пор с тобой разговариваю. Ты какой-то дикий. Но вполне симпатичный. Люблю интригу. Интуиция подсказывает, что мы поладим. Что касается самца и самки – мы неплохая пара. Также могу поставить тебе оценку четыре. У нас могли бы получиться красивые детки. Если не хочешь танцевать, давай

прогуляемся.

– Иначе вы не отстанете?

– Определенно нет.

– О чём мы будем разговаривать, ведь мы настолько разные? Вас, кроме любви и собственной привлекательности что-нибудь интересует?

– Для начала, хочу просветить, чем отличается одна самка от другой, кроме тех внешних признаков, которые ты озвучил.

– Интересная тема. И чем же?

– Воспитанием, интеллектом, развитием, здоровьем, духовностью, внешним видом. Этого достаточно? Могу продолжить.

– Убедили. Я и не утверждал, что природа ваяла женщин по одному лекалу. Однако, отличия минимальны. Разве что в размерах и форме. Те критерии, что вы обозначили, невозможно оценить визуально. Но на уме у вас только любовь, деньги и шмотки.

– У твоей матери тоже?

– Моя мама особенная. У неё тяжелая судьба. Ей было не до этого.

– Выходит, не все женщины одинаковы? Одно исключение мы уже имеем. Она красивая?

– Если судить по фотографии в молодости – да. Для меня она лучшая. Независимо от её внешней привлекательности.

– Значит, ты достаточно хорошо знаком с прочими её ка-

чествами?

– Естественно. Я ведь знаю её всю жизнь.

– Чем она отличается от других женщин, за что ты её любишь?

– Она добрая, нежная, умная, щедрая. Ещё, замечательная мама, хорошая хозяйка, рукодельница. От неё всегда вкусно пахнет. Умеет привлекательно выглядеть.

– Выходит, её ты сможешь отличить по запаху?

– Ну, да. Она же моя мать.

– Тем не менее, она тоже женщина. Но для тебя она совсем другая. Не походит на всех нас, одинаковых, как деревянные стулья. А для меня моя мама особенная. И подруги у меня все разные. По внешнему виду, по привычкам, характеру. Я даже со спины многих узнаю. И по голосу.

– Ну, ладно. Просто мне хотелось быстрее от тебя отделаться. Если присмотреться внимательно, ты вполне симпатичная. Глаза, например, у тебя... просто... да не знаю. Вот привязалась. Глаза, как глаза.

– Ага, уже на ты, это прогресс. Глаза заметил. Опиши, какими ты их видишь: маленькие, тусклые, косые?

– Красивые, глубокие, серые, большие. Зачем ты меня пытаешь, не всё ли равно, какие у человека глаза? Каким внешним видом природа наделила, с таким и живём.

– Вот видишь, Лёня, мы уже научились договариваться. Ты признал, что и я не такая, как все, а очень даже ничего, вполне себе симпатичная. И глаза мои тебе понравились.

А ты говоришь, самка. Прежде всего я милая девушка. Посмотри, какая стройная. Моей фигуре многие девчонки завидуют. Попробуй обхватить талию. Руками. Не стесняйся. Ты же биолог, исследователь. Изучай, трогай. Крепче бери, не отломишь. Правда, приятно? Да не убирай так быстро. Неужели ничего не чувствуешь! Мне, например, понравилось ощущение от прикосновения, а тебе? Ты такой мужественный, такой сильный, а руки нежные.

– Ты со всеми так?

– Как?

– Похвали, потрогай, обними. Всех так приручаешь? Я же не подопытный кролик.

– Не смущайся так, глупенький. Зачем так упорно сопротивляться? Понравился ты мне. Да и я тебе тоже. Если скажу, что всю жизнь такого искала, согласишься? Другие парни ужом вокруг меня вьются, а я тебя словно ребёночка малюго уговариваю. Посмотри на меня добрый молодец. Оцени красу ненаглядную. Что мне ещё сделать, чтобы твоё спящее либидо расшевелить? Хочешь, станцюю, или спою, а может стриптиз?

– Лучше займись чем-нибудь полезным. Иди танцевать, а я подремлю.

– Тогда и я с тобой.

– Ну, вот, начинается. Я тебя приглашать в свой сон не намерен.

– Я не имела в виду, что хочу лечь с тобой. Просто, тоже

пойду спать. Раз тебе со мной неинтересно.

– Я этого не говорил.

– Так скажи. Так, мол, и так, можно я тебя поцелую, долго тебя ещё уговаривать? Вижу ведь, как тебя моя талия возбуждала. А ведь у меня и кроме полно сюрпризов.

– Прямо так сразу возбудила, дай поцелую... а если ещё чего-нибудь попрошу, тоже не откажешь?

– Если не прямо сразу, ты реально спать уляжешься. Потом всю процедуру уговоров повторять придётся. Прикажешь мне за тобой до последнего курса бегать? Насчёт остальных просьб: за спрос, не берут. Откажу или нет, узнаешь, когда вопрос задашь.

– Ну, что ты за человек, нечего мной манипулировать, неинтересно. Да и не умею я целоваться.

– Верится с трудом. Впрочем, если так, ещё интереснее. Не боги горшки обжигают. Чего сложного-то, губки слоником и чмок-чмок. Я даже глазки закрою, чтобы ты не стеснялся. Выдохни и вперёд.

Лёнька решил уступить, чтобы отделаться. Чмокнул в щёчку.

– Ну, вот. А то, не умею. Ох, и шельмец же ты, братец. Очень даже не плохо у тебя получается. Теперь я просто уверена, что у тебя с любовью не сложилось. Понравилось целоваться? Мне тоже. Правда, у меня кожа бархатная, нежная? Что за мальчишки пошли? Три часа уговаривать пришлось, чтобы он решился удовольствие получить. Мычал,

мычал, теперь присосался. Сам сказал, инстинкт размножения не дремлет. Раз так, значит, природа всему обучила нас ещё до того, как мы родились. Теперь на меня смотри. Внимательно. Ну, как я тебе?

– Я же уже сказал, симпатичная.

– Как стул?

– Нет. Как девушка.

– Надо же! Признал. А приглянулось-то во мне что?

– Глаза понравились.

– Смелее. Я не кусаюсь. Смотри внимательнее, это даром.

– У тебя губы жаркие. Такие... дай ещё попробую.

– Сначала скажи.

– Запах... аромат. Не знаю почему, для меня самая важная информация в ароматах кроется. Домашний такой, уютный. Сенокосом пахнешь, земляникой. Лесной фиалкой.

– Значит, теперь ты и меня в темноте по запаху узнаешь?

Выходит, разглядел.

– Конечно, узнаю. И на вкус, тоже.

– Оказывается, настырная незнакомая самка очень даже ничего. Завтра-то тебя ждать, или уже до одури нанюхался?

– Чего завтра-то, можно и сегодня, – встрепенулся Лёнька, – что-то мне спать совсем расхотелось. Давай лучше целоваться.

– Ну, блин, разогнался. Теперь не остановить будет. Тогда давай признавайся.

– В чём?

– Ну, вот/ опять, двадцать пять, в любви, конечно. Не всё же мне одной за тебя делать.

– Может, в другой раз? Я ещё не готов.

– Целоваться, значит, готов, а признаваться, нет? Ладно!

Когда созреешь, тогда и продолжим. А пока спать пойдём.

Мелодия дождя Глава 6

Как ни сопротивлялся Лёнька, Алина шаг за шагом завоевывала пространство общения, навязывала ему нить и содержание диалога. Он сам не заметил, как в голове появились другие мысли и иные желания.

– Алина, ну чего ты, правда, – начал оправдываться юноша, не желая прерывать разговор, – я же не знаю, люблю тебя или нет. Мы практически не знакомы. Мне никогда не приходилось беседовать с девушками на подобную тему.

– Ах, так! Считай, что ничего у нас с тобой не было. Ты совсем непробиваемый. Не было, так не было.

– Было. Точно было. Сейчас. Минуточку. Значит, так, Алина, ты самая красивая девчонка на этой вечеринке. Я тебя обожаю.

– Ладно, зачёт принят, но тему, как следует, не раскрыл. Обожают конфетки, мороженое, землянику. Вторая попытка. Время пошло. Что-то меня в сон клонит.

– Ну не могу я так запросто сказать слово люблю. Я не уверен.

– Не расслышала. Чего мнёшься, как нашкодивший перwokлашка? Разве ты не рад со мной познакомиться? Ты же понимаешь, что сладкое нужно заработать.

– Сам не ожидал, что захочу с тобой разговаривать. Ты меня гипнотизируешь? Возможно, ну, правда, я даже не знаю,

возможно, я тебя люблю, – осипшим голосом прошептал Лёнька.

– Шёпотом любишь... или вообще не понимаешь, о чём речь? Я, конечно, не Станиславский, но скажу, как он – "не верю". Эмоций не вижу. Таким тоном обычно говорят – "ну, я пошёл". А любовь, это... когда голова кружится, когда сердце поёт. Когда скакать хочется от радости, весь мир обнимать, когда нет на свете ничего важнее и дороже. Вот! Если есть желание с кем-то или чем-то сравнивать, то это не любовь, а так – желание. Может быть, даже похоть. А это ненадолго.

– Так я и говорю, что вроде как люблю. И голова кружится. Крикнуть, что ли... я тебя люблю! Люблю, люблю, люблю, – не понимая сути того, что говорит, заводился юноша.

– Надо же, какой шустрый. С первого взгляда, что ли влюбился! Ладно, ещё немножко потренируешься и поверю. Уговорил. Теперь целуй. Пока авансом. Завтра после занятий в кино пойдём.

– А уроки?

– Ого! Ты, Лёничка, хочешь рыбку съесть и косточкой не подавиться. Как знаешь. Можешь заниматься, сколько угодно. Одна посмотрю.

– Что ты со мной делаешь, Алина? Я же учёным хочу стать. Путешествовать, животный мир изучать.

– Сам сказал, что я самка. У меня чрезвычайно выраженный инстинкт размножения. Представь себе, что я интерес-

нейший биологический объект. Во мне столько всего сокрыто, жизни не хватит подробно исследовать. Вот и изучай, сколько угодно, пока я добрая. Хоть всю жизнь. Женщина, юноша, ещё та загадка, можно сказать сокровенная тайна, сокровище, которое не каждому дано отыскать. Лишь избранным. Сколько не исследуют нас, а раскрыть до конца не могут. И тебе не дано. Потому, что двух одинаковых женщин не бывает. У каждой своя изюминка. А я изменять себе не позволю. Уяснил? Или любовь навсегда, или адью. Со мной тебе скучно не будет. Обещаю. Можешь сразу журнал регистрации опытов завести. Каждый день по открытию гарантирую.

Девушка смотрела на Леонида как-то странно, пристально вглядывалась прямо в глаза, словно пыталась узнать его потаённые мысли, которые выплывали неизвестно откуда и роились в голове, отодвинув далеко в сторону всё остальное.

Никогда прежде подобного с ним не происходило.

Лёнька выдержал пристальный девичий взгляд, силясь понять, что происходит, почему ему стало настолько любопытно проникнуть в глубину её дивных очей?

Алина излучала какую-то загадочную, весьма сильную энергетику. Его трясло мелкой дрожью, а в голове гудел усиливающий трансформатор.

Это состояние ошеломило, напугало парня. Что за странный интерес в нём проснулся, откуда это неожиданное любопытство? Отчего ему взбрело в голову восхищаться, да-

вать лестную характеристику и размышлять, используя исключительно возвышенные эпитеты: дивная, чарующая, загадочная, восхитительная, милая?

Неужели, правда, влюбился. практически с первого взгляда?

В голове гудело, вибрировало, шум не давал сосредоточиться, понять, чего же девушка от него хочет, но было件件, что сам Лёнька увяз в желаниях, связанных с ней по уши.

Это было мучительно, хотелось как можно быстрее прекратить ненужный диалог, тяжелый процесс, выворачивающий мозг наизнанку.

Лёнька отвечал, словно под действием гипноза. Казалось, что ответы кто-то настойчиво, безапелляционно выуживает из его сознания. Даже свой голос казался ему чужим и далёким.

Алина просила ответить, насколько красивой Лёнька её находит, что может сказать о глазах, губах, талии? Требовала признаться в любви. Он всё делал, как девушка просила, сам не понимая, почему поступает именно так, хотя ни разу не остановил надолго на её лице взгляд, краснел и потел лишь от одной мысли, что может внимательно его разглядывать.

У Лёньки перехватывало дыхание, напрягались до спазмов мышцы, в глазах рябило и расплывалось. Если бы во время разговора или после его заставили составить словесный портрет Алины под страхом смерти, он ничего не сумел

бы ответить.

Различить юноша мог лишь размытый силуэт и сгусток светящейся энергии, расплывающийся и тающий, наподобие марева над раскалённым асфальтом.

Когда он сказал девушке “люблю”, сам себе не мог поверить. Поклялся же не иметь с женщинами дел, а тут такое.

Буквально через несколько минут картинка изменилась. Колеблющаяся пелена начала терять прозрачность и бесплотность, приобретала знакомые очертания девичьего стройного силуэта. Юноша начал успокаиваться.

Лёнька поднял взгляд на лицо Алины и увидел объёмное изображение прекрасной девочки, сфокусированное, чёткое, несколько смущённое или просто раскрасневшееся в нагретом помещении.

Добрая улыбка, внимательные глаза с хитринкой, пытающиеся уловить его настроение, чувственно приоткрытые губы, сверкающий влагой ряд белоснежных зубов. Что-то необычно тёплое прокатилось волной по телу, вызвало озноб, следом сдавило грудь, появилась слабость в ногах и желание до неё дотронуться.

Отчего-то вспомнилось жаркое лето, когда он с родителями долго бродил по лесу, собирая душистую землянику. Его руки тогда пропахли раздавленными ягодами, воздух вокруг пропитался настоявшимся духом цветов и трав, при лёгком дуновении ветерка долетал сладковато-терпкий запах разомлевших от зноя листьев берёзы.

Лёнька всегда вспоминал этот удивительный день, когда со всех сторон их окружало восхитительное великолепие живой природы. Чего только не довелось увидеть и услышать в тот знаменательный день: зов кукушки, перестук дятлов, соловьиные звонкие трели.

Там были стрекозы и бабочки, изумительной красоты разноцветные мушки, зависающие над раскрытыми лицами цветов, гудящие тучные шмели, замирающие в неподвижности ящерики, трудолюбивые муравьи. Да разве всё можно перечислить?

Тогда папа расстелил на земле покрывало, а мама разложила припасённую для такого случая еду. Всё было такое вкусное. Потом отец лежал с закрытыми глазами, а Лёнька удобно устроился у мамы на коленках.

Она запела, одной рукой перебирала его вихры, другой гладила по голове отца. Наверно, это был самый счастливый день в его жизни.

Румяное лицо Алины, её чарующая улыбка, да вообще вся обстановка сегодняшнего вечера, вызвали в его душе непонятный, но весьма направленный отклик. Руки сами собой потянулись навстречу девушке. Она сделала шаг вперёд и оказалась в его объятиях, прижав к груди руки.

Лёнька обхватил Алину за плечи, зарылся носом в пушистые кудряшки, закрыл глаза и осторожно принюхался, почувствовав вдруг необъяснимое состояние, похожее на парение.

Живое, тёплое и упругое тело девушки вибрировало. Когда Лёнька случайно захватил губами мочку её уха, она сжалась, задрожала, запустила ладонь в его волосы, совсем как тогда мамка.

Ощущение бескрайнего счастья захлестнуло юношу с головой. Лёнька держал в своих руках трепетность и нежность, боясь отпустить.

Не видение ли это?

Алина начала медленно перебирать ногами в танцевальных па, увлекая за собой юношу. Он никогда не танцевал, считая это развлечением бездельников, однако невольно повторял за ней шаги, подчиняющиеся ей и музыкальному ритму.

Неловкие движения постепенно обретали размах и уверенность. Девушка закружилась, он вместе с ней. В какой-то момент Лёнька уловил темп шагов, услышал мелодию, включился в сам танец, увлёкся. Настолько, что не заметил, когда мелодия закончилась.

Они кружились и кружились. Лёнька так и не открывал глаз, стесняясь саму девушку, которую крепко обнимал, веселящихся студентов, нечаянно посетившего его восторженного состояния, своего отношения к происходящему.

Это было прекрасно, но совсем некстати. Неужели и он попался в ловушку непредсказуемых женских чар?

Такой вопрос проскальзывал мельком, пугал и тут же рас-

творялся в разноцветных эмоциях, заставляя вновь сосредоточиться на податливом теле подружки, позволяющей ему больше, чем когда-либо Лёнька мог себе представить в отношениях с противоположным полом.

Неожиданно громкие аплодисменты заставили оглянуться вокруг. Юноши и девушки кричали нечто одобряющее и хлопали в ладоши. Лёнька с Алиной стояли в самом центре, это указывало на то, что овация, вероятно, предназначена им.

Лёнька покраснел до кончиков волос, смутился, не зная, как реагировать. Зато Алина откликнулась на внимание публики моментально.

Она приложила руку к груди, несколько раз наклонила голову, благодарно глядя партнёру в глаза. Потом взяла юношу за ладонь, другой рукой приподняла подол лёгкого платья и троекратно раскланялась во все стороны, приседая.

Шум и рукоплескания только усилились.

– Bravo! Алина, как тебе удалось расшевелить этого отшельника? Всё парень, ты попал. Теперь, как порядочному мужчине, тебе придётся жениться.

Лёнька сделал попытку вырвать у девушки руку, чтобы покинуть вечеринку. Ему хотелось заплакать. Алина держала его крепко, видно предвидела такую реакцию.

– Ну, и что тут такого? Разве это странно, что большой взрослый мальчик танцует с понравившейся ему девочкой? И нечего на нас так глазеть. Не завидую тому, кто попытается

над нами шутить. Можно мы ещё потанцуем, на этот раз без аплодисментов?

Тут же заиграла музыка. Алина внимательно посмотрела на потрясённого Лёньку, улыбнулась ободряюще, затем прижалась к нему всем телом, отыскала губы, поцеловала.

– Ты сейчас выглядишь маленьким мальчиком с уязвлённым самолюбием. Нельзя так реагировать на невинные шутки. Никто не хотел нас обидеть. Продолжай танцевать, не обращай ни на кого внимания. Всё когда-то бывает в первый раз. Я тебя, кажется, реально люблю, Лёнька, разве этого недостаточно? Честное слово, мне с тобой так хорошо. Ты такой... такой необычный. В твоём возрасте парни уже разводятся, испробовав всё на свете, а ты до сих пор девственник. Я так счастлива, что ты такой недотёпа.

Ребята снова закружились, с интересом разглядывали в танце друг друга, словно только что впервые встретились.

Немного погодя о них забыли. Алина дотянулась до Лёнькиного уха и прошептала, – давай смоемся? Должен же ты когда-нибудь пригласить меня на первое свидание, почему не сейчас?

– Давай. Мне так хорошо, что если ещё что-нибудь произойдёт, у меня разорвётся сердце. Нужно успокоиться.

Они долго бродили по маленьким улочкам. Алина бегала за снежинками, ловила их пушистой рукавичкой и слизывала. Потом ребята кидались снежками, падали спиной в свежие сугробы, наигравшись вдоволь, принимались целовать-

ся. Это была настоящая сказка.

Если бы Лёнька раньше знал, какие яркие эмоции дарит это непритязательное занятие. Он был безумно рад, что судьба свела их вместе. Все прежние мысли о том, что любовь – забава для слабаков, разом испарились.

Спроси его Алина сейчас, любит ли он её, ответ был бы однозначным – несомненно, любит.

Проводив подругу, Лёнька никак не мог унять беспокойное сердце. Оно то и дело принималось биться невпопад, заставляя непрестанно думать о любимой. Возможно, наоборот, начинало колотиться при мысли о ней.

Кто же разберёт, когда девушка бесплотным видением перед глазами стоит, машет призывно рукой и шлёт воздушные поцелуи, передавая неведомые импульсы, заставляющие томиться от не совсем ясных желаний?

Ненадолго проваливаясь в беспокойный сон, Лёнька опять и опять спешил на свидание. Алина бежала ему навстречу в коротеньком белом платье по травяному ковру. Бежала очень быстро.

От стремительного движения развевались её непослушные локоны.

Юноша раскрывал объятия, предвкушая наслаждение от слияния тел, но девушка, не снижая темпа, проскакивала каждый раз сквозь него и неслась дальше.

Лёнька оборачивался, видел, что девушка пытается остановиться, в её глазах недоумение, испуг, но она продолжала

стремительно удаляться, вскоре вовсе исчезала из вида.

Как только он терял любимую из поля зрения, становилось темно и холодно, с неба начинали больно сыпаться колючие ледяные крупинки, поднимался жуткий ветер, сквозь его вой слышно было, как Алина его зовёт.

Лёнька пытался бежать на голос, с разбегу разбивал лицо о прозрачную ледяную стену, за которой мелькал невнятный белый силуэт. Слышался, то ли плач, то ли хохот и тут он просыпался, понимая, что не хватает воздуха.

Оказывается, ребята накрыли подушкой его голову и гогочут, потому, что своими жуткими криками парень разбудил всех обитателей комнаты.

Остаток ночи Лёнька грезил наяву, нестерпимо мучаясь от ожидания встречи, но одновременно пребывал в дивных мечтах о своей девочке.

Когда они встретились, уловить всю прелесть её внешности не представилось возможным. Неловко было разглядывать, пялиться на неё, словно на картину в художественной галерее.

Сейчас же, лёжа на скрипучей кровати в полной темноте, юноша представлял по памяти её дивный облик.

Воображаемая Алина была удивительной, прекрасной, восхитительной, бесподобной. Более того, казалась совершенной, как древнегреческие богини.

Лёнька разглядывал по памяти почти идеальную симметрию овала лица, разрез и цвет глаз, абрис губ, форму носа,

цвет кожи, милые кудряшки, трогательный детский пушок над верхней губой, сладенькую мочку уха. Он не знал, придумал ли такой облик, или Алина на самом деле так сказочно выглядела.

Ему нравится эта девушка, это определённно так. Её внешность приводит юношу в полный восторг.

Лёнька удивлялся, когда же успел настолько досконально рассмотреть каждую деталь, если наблюдал за ней лишь украдкой?

Как же он был счастлив. Передать словами его удивительное состояние было невозможно.

Мелодия дождя Глава 7

На занятиях в аудитории университета Лёнька упорно клевал носом, пытаясь чего-то из объяснений преподавателя понять, но безуспешно. Мало того, что не выспался, так ещё эти видения.

На второй паре юноша пересел на галёрку, уснул и снова бредил, представляя, что нежно трогает губами и подушечками пальцев желанное личико, просыпался каждый раз, как только ласки во сне входили в активную фазу и вызывали ощутимые физиологические реакции организма.

Ожидание желанной встречи становилось мучительным. Его одолевали сомнения, не приснилось ли всё это? Слишком уж быстро и неожиданно развивались события.

– Что, если Алина цинично пошутила или влюбила в себя, предположим, на спор?

Лёнька верил и не верил девушке, однако тут же старался выдумать оправдание.

Всякое бывает. Но, ни во что нельзя верить безоговорочно. Бывает, предают, развлекаются жестокими шутками друзья, и даже близкие родственники.

Всего несколько часов прошло от полного неприятия девочки до обжигающей мозг любви. Разве так бывает!

Даже если это реальность, относиться к ней нужно с определённой долей скепсиса, чтобы возможное разочарование

не разрушило жизнь повторно.

Как не уговаривал себя юноша, эмоции набегали спонтанно, захлёстывали с головой, то даря наслаждение, то вызывая невыносимые терзания и последующий упадок сил. Что с того, что приятных переживаний было больше, если в целом они лишали сил?

Так Лёнька и качался на волнах контрастных видений, пока не увидел Алину воочию. Встреча с ней развеяла сомнения.

На возбуждённом, воодушевлённом лице девочки невооружённым взглядом читались ликование и восторг. Вряд ли так талантливо и убедительно можно сыграть.

Подбежав, Алина повисла на его шее, слилась с любимым в страстном поцелуе, слаще которого юноша ничего прежде не пробовал. Глаза её горели предвкушением наслаждения и радостью близости.

Напрасно Лёнька страдал и переживал. Девочка действительно влюблена. Теперь он в этом уверен.

Алина разоткровенничалась, рассказала без утайки, что сотворили с ней вчерашние поцелуи. Повела про бессонную ночь, про мучительное и сладкое одновременно томление, про цветные фантазии и целую тьму интимных желаний.

Оказывается, ей тоже непросто дался первый контакт. Возможно, Алина не ожидала, что разбудит в себе такую страсть.

Как бы то ни было, Лёнька безоговорочно поверил в искренность чувств, тем более что они дарили столько прекрасных ощущений.

Девочкам несчастная любовь способна доставить гораздо более серьёзные проблемы, чем мальчикам. Стоит ли из-за юношеского разочарования в любви отказываться от возможного счастья?

Ребята бесцельно бродили по улице, заполненной потоком спешащих куда-то людей, никого и ничего не замечали вокруг, крепко ухватившись за руки, словно боялись затеряться и разговаривали, разговаривали.

Из одного тела в другое через рукопожатие незаметно переливалась волшебная энергия любви, превращающая чужих людей в родных и близких, дарующая ощущение эйфории, полёта и неисчерпаемые силы.

Лёнька больше не боялся внимательно рассматривать свою Алину. Теперь он видел гораздо больше того, на что способно зрение, находя всё больше поводов для исступлённого ликования. Девочка казалась ему прекрасной маленькой феей.

Чем внимательнее он вглядывался, тем сильнее привязывался к её индивидуальным особенностям, отличающим от тысяч других девочек. То, чего не видели глаза, запоминало обоняние, осязание и слух.

Лёньке до щенячьего восторга нравился её голос. То и дело он просил что-либо рассказать, или повторить, лишь для

того, чтобы ещё раз насладиться мелодией звуков, особенностями интонации, оттенками голосовой акустики.

Ароматы, окружающие подругу, пробуждали поэтический дар. Чувства и эмоции он выражал лирическим восприятием событий, но говорить о них вслух пока не хотел, стеснялся.

Больше всего о подрузке узнавали губы и руки. Любое прикосновение, даже мимолётное, запоминалось своей остротой.

По реакции Алины Лёнька чувствовал, какие касания вызывают у неё взрыв эмоций, какие безразличны, нейтральны или вызывают неприятие.

Юноша даже предположить не мог, насколько губы и руки чувствительны, как чутко реагируют на малейшие нюансы структуры кожи, её упругость и вкус.

Стыдно сравнивать, но с Милой подобного блаженства он не ощущал, или успел забыть. Алина аккумулировала энергию прикосновений и отсылала её обратно многократно усиленной.

С этого дня Лёнька потерял покой и сон. Окунулся в океан любви, а вынырнуть никак не может. И так ему хорошо, не передать словами. Лишь иногда внутренний голос начинал нашёптывать про осторожность, про необходимость делать выводы и сомневаться. Сомневаться, пока не убедишься в истинности и взаимном характере чувств.

Каждый новый день встречает юношу свежим, роскошно

оформленным букетом впечатлений. Волнения и переживания будоражили кровь. Тело стонало от избытка сказочных ощущений. Мозг разрывали на части эмоции и чувства.

А сколько потрясающих открытий дарило общение.

Это ли не счастье!

Сладострастие и неодолимое влечение временно вызвали паралич воли. Ни о чём ином, кроме образа любимой, юноша даже думать не мог. Откуда чего берётся, непонятно.

– Интересно, – подумал Лёнька, – во что и как мы влюбляемся? Что в этой девочке такого особенного, не такого как у всех: глаза, руки, голос, одежда? Но ведь до того, как Алина прицепилась, – иначе первую стадию знакомства и назвать невозможно, – она была лишь одной из многих, на которой даже глазу не за что было зацепиться.

Есть же в девочке нечто неуловимое, сладенькая изюминка, перевернувшая в её пользу Лёнькину Вселенную. Или он просто с ума сходит?

Размышляя и сравнивая, юноша пришёл к неожиданному и парадоксальному выводу: видимо мозг мужчины заранее готов к контакту с любой женщиной, то есть ожидает его, надеется на него, потому моментально впадает в гипнотический транс, позволяющий внушить любые безумные чувства, включая любовь.

Стоит только девушке задействовать механизм флирта, намекнуть на готовность принять участие в забавных романтических играх, предполагающих вероятность возможного

выигрыша, как мозг запускает серию импульсов, вынуждающих лабораторию грёз синтезировать любовные наркотики.

Отсюда фантазии, возбуждающие страсть, полное или частичное отключение критического мышления, потеря контроля, постоянная эйфория. А кнопки, включающие процесс в дальнейшем, есть и внутри, и снаружи.

Это обоняние, осязание, зрение, слух. Именно потому невыносимо хочется прикоснуться к Алине, вдыхать возбуждающие ароматы, наслаждаться созерцанием объекта вожделения и слушать, слушать, лаская все эти сигнальные системы.

Чем больше получаешь информации о подмигивающей, манящей скрытыми тайнами девчонке, тем сильнее желание ей обладать. Ведь основная цель природы – воспроизводство, а для этого необходимо физическое проникновение в тайну тайн.

– Неужели любовь настолько коварна, способен ли человек преодолеть столько соблазнов, обойдя все расставленные ей ловушки, – рассуждал Лёнька, когда временами на несколько минут наступали моменты просветления.

– Казалось бы, не такая уж сложная загадка, чтобы не суметь её разгадать, но отчего мужчины, зная о женском коварстве, стройными рядами бегут навстречу судьбе, стремясь как можно быстрее попасть в расставленные ими сети? И я в том числе.

Как же он торопился освоить весь спектр эротических

приманок, попробовать на вкус каждую из них. Даже готов был оплатить блаженство любым доступным способом, в том числе жениться. Предъявить счёт в конечном итоге за вершину любви вынуждена каждая девочка. Кажется, юноша становится прожжённым циником, рассуждая подобным образом. Или это нечто иное? Что же на самом деле заставило его поверить в реальность любви?

Ведь он действительно уверен, что Алина – та, единственная девушка, без которой невысказано счастье на Земле.

Лёнька, конечно, толком не знает, что такое настоящая любовь, хотя вокруг него все только о ней и говорят. Однажды уже обжёгся, приняв желаемое за действительность. Не промахнуться бы и в этот раз.

И всё-таки, несмотря на сомнения, он безоговорочно во всём полагался на Алину. Девушка с самого начала вела себя так, словно все решения принимает загодя, задолго до того, как их случается осознать и озвучить.

Она производила впечатление бывалого человека, прожившего нелёгкую жизнь, имеющего за плечами немалый опыт, а потому никогда не сомневающегося в том, как необходимо поступить. Неужели такими сразу рождаются?

Лёньке нравится её манера общения, довольно жёсткая, колкая и ироничная в разговоре и полемике, но мягкая, ласковая и трогательная, стоит лишь прикоснуться к ней.

На трепетную нежность девушка отвечала удвоенной взаимностью, но, в отличие от юноши, никогда не теряла над

собой контроль.

У него же от физической близости в голове начинались ураганы и вьюги, включался автопилот, который вёл по жизни, то ли по неведомым приборам, то ли на ощупь, но однозначно без помощи разума. Юноша сам не мог понять, как в невменяемом состоянии справляется с управлением жизнью.

Лёнька не сердился на её язвительные реплики. Алина произносила их как бы мимоходом, не акцентируя внимание силой голоса или ядовитой интонацией. Так девушка разговаривала со всеми, не делая исключений и для него.

Резкость фраз и суждений подруга с лихвой компенсировала избыточной женственностью, способностью выразить посредством прикосновений и жестов безмерно восхищённое отношение к партнёру.

Едва дотронувшись до любимой, Лёнька чувствовал её трепетную дрожь, отзывчивую чуткость кожи, стремление возратить силу чувственных переживаний, усиленную мгновенно воспламеняющейся страстью.

Нежно сжав ладонь подруги, глядя в её глаза, Лёнька мог провалиться в неуловимо-призрачную сладость эйфории. Лаская губами соблазнительное тело, надолго выпадал из реальности. Однако даже в полубессознательном состоянии постоянно чувствовал ответное возбуждение, нарастающее, соблазняющее, манящее.

Неуловимым давлением пальчиков Алина способна дири-

жировать ощущениями, направляя юношу по тому пути, который дарит ей тягучую сладость. Как получается, что подруга знает лучше, чем он потребности и желания, свои и его?

Завести девушку можно лишь облизнув весьма чувствительную мочку уха, обнимая при этом за плечи. В её глазах моментально загораются искорки шаловливого желания, плещущего через край, а реальные поступки становятся решительными и дерзкими.

Свои фантазии Алина передаёт страстными движениями рук, бессовестно проникающими в запретные владения любимого, не давая, однако, повода для чего-то более серьёзного, грозящего её целомудренности непредвиденными потерями.

До поры влюблённые ограничивались лишь весьма смелыми поцелуями, подкрепляя их нежными прикосновениями, довольно откровенными и вольными, но с чётко обозначенными пределами допустимых границ.

К более глубоким отношениям ребята всё ещё не были готовы, что совсем не тяготило их, по причине девственной чистоты отношений и помыслов.

Застывая в бесконечном поцелуе, ненасытно проникая в интимные физиологические границы тел любопытными языками, изучая влажные глубины ненасытных ртов на вкус, возбуждая чувствительные внутренние сферы, они могли стоять без движения часами, не теряя интереса к взаимному

познанию.

Поцелуи, дополненные нежными ласками, в полной мере удовлетворяли их неразвитые потребности в сокровенной близости. Больше им пока только снилось, да и то неразборчиво, размыто.

Их не смущали уже громкие чмокающие звуки и случайные прохожие, их услышавшие. Вселенная замкнулась, оградив влюблённых от бесцеремонности посторонних суждений и завистливых шепотков, позволяя игнорировать их, не слышать.

Люди всего-навсего занимаются любимым делом. Что с того! Отыщи в этом мире свою пару и займись тем же.

Лёнька, обычно настолько застенчивый, что не мог лишней раз чего-то спросить у прохожих, вёл себя вызывающе с точки зрения общественного мнения. Как это странно.

Выносить на всеобщее обозрение интимные чувства считается неприличным и зазорным. Для подростков, заболевших любовью, это совсем не так. Их не коробит, напротив, забавляет нетактичное поведение злобствующих ханжей.

Близкое взаимодействие любых предметов при контакте оказывает друг на друга сильнейшее влияние. Вот и Лёнька, напившись активной энергией от девушки начал преображаться, неосознанно подражая ей во всём.

Хорошо это или плохо для юноши, сейчас не важно. Главная и единственная ценность теперь – милая нежная девочка, превратившаяся в центр личной Вселенной. Она и нача-

ло, и конец его внутреннего и внешнего Мира.

Влюблённые теперь вместе учили уроки, готовили еду, едят, ходили по музеям и магазинам, когда было на что покупать. Только спали раздельно.

Студенческая жизнь не балует изысками. Она целиком и полностью сосредоточена на получении знаний, оставляя за скобками потребление и материальное благополучие.

Правда, у них есть занятие намного более важное, не терпящее, когда его задвигают на второй план. Зреющая чувственность диктует свои правила.

Любовь не ведаёт конкуренции перед прочими критериями благополучной жизни. Если кто-то думает иначе, это его личное дело. Каждый волен распоряжаться судьбой, опираясь на личные суждения и собственный опыт.

Лёнька с Алиной хотят распоряжаться жизнью лично, не оглядываясь на предрассудки и чужое мнение.

Мелодия дождя Глава 8

Каждый из нас в свой срок становится смыслом и любовью чьей-то жизни, делая его безмерно счастливым. Даже если со временем тебе предстоит убедиться в ошибочности личного выбора, стоит быть бесконечно благодарным человеку, которого считаешь любимым здесь и сейчас.

Ведь он тоже, как и ты, находится в процессе поиска своей половины, тоже не ведает будущего. Совсем не важно, ты ли найдёшь свою единственную любовь, или она тебя. Не бывает фатальных ошибок. Неотвратимыми и роковыми мы делаем их сами, заменяя одни иллюзии на другие, но, не делая своевременных выводов.

Жизнь, несомненно, состоит из цепочек случайных последовательностей. Никто не способен подсчитать, когда и сколько раз за жизнь мы вынуждены выбирать.

Каждое мгновение перед нами бесконечное множество вариантов развития событий, каждый из которых ведёт к следующей расстановке вероятностей, тоже абсолютно случайных, потому что невозможно предугадать, какой из множества путей ты выберешь.

Как бы ты ни поступил, никогда не удастся вернуться назад и проверить, угадал ли ты хотя бы шесть цифр из сорока шести вариантов, как в лотерее. А ведь это несопоставимо малая величина альтернатив, даже в малой мере не выдер-

живающая сравнения с реальным количеством влияющих на судьбу вариаций.

Попробуйте начертить упрощённую схему обычных жизненных коллизий с фиксированным числом версий и уже через несколько шагов потонете в безбрежном океане уводящих вас вдаль трансформаций и перемен.

Реальная жизнь гораздо сложнее игры в лотерею. Но пугаться не стоит. Ведь мы никогда не узнаем, что именно сделали не так. Можно лишь гадать на кофейной гуще или бесконечно долго подбрасывать игральные кости с большими цифрами на гранях, результат торгов со случайностью не изменится.

Что бы ни случилось, нужно идти вперёд, бороться за благоприятный лично для тебя исход, не унывая от ударов судьбы и всегда сохранять статус неисправимого оптимизма.

Лёнька и так, и этак разворачивал нагромождение непредсказуемых событий, не желавших укладываться в чётко сформулированную им совсем недавно цель, стройность системы каждый раз превращалась в груды обломков, которую он характеризовал, как хаос.

Тем не менее, встреча с Алиной, поселила в нём состояние гармонии и согласия с миром. Есть любовь или нет её, иллюзия это или реальность, состояние безграничной радости и блаженства с лихвой перекрывает неминуемые потери от беспорядка в жизни.

Недоваренная каша в голове и в мятущейся, сомневаю-

щейся душе, абсолютно не мешали жить в предвкушении безграничного счастья.

Лёнька раз и навсегда в пределах сегодня действующей в его жизни концепции ценностей, решил для себя, что Алина – наиболее значительное и самое ценное приобретение, посланное ему слепым выбором судьбы.

Значит, отныне все усилия должны быть направлены на её благополучие. И конечно на любовь. Он уверен, что позитивная энергия, устремлённая на любое явление или предмет, питает их творческую активность.

Любви и счастья много не бывает. Да здравствует Любовь!

Как только юноша определился со своими мыслями, они начали обретать порядок и стройность. Отношения влюблённых крепили день ото дня, приобретая более благоприятную форму. Вместе с прочностью связей нарастала сила положительных эмоций и вера в подлинность чувств.

Влюблённая парочка становилась неразлучной, превращаясь в достойный союз двух равнодушных сердец. Конечно же, необъятное доверие подкреплялось физической и духовной близостью, желанием отдавать, в первую очередь самого себя.

Безграничное доверие ребята выражали объединением интересов и тесным интимным контактом. Разлука, даже кратковременная, казалась им наказанием.

Вот и сегодня влюблённые, как обычно вместе. Поделившись новостями, они сплелись телами, выражая тем самым

безграничную любовь. Нескончаемые поцелуи и чувственные прикосновения превращали жизнь в праздник плоти.

Их любопытство и ненасытность не знала границ. Даря друг другу тепло губ, рук и энергию сердец, они стремились доставить друг другу радость. Влечение, наслаждение, блаженство, восторг и жажда лишь возрастали раз от раза, находя новые пути выражения чувственных эмоций.

Алина, уже в который раз возбуждись до дрожи в коленках, залезла шаловливыми пальчиками в запретную зону, обхватила обитающее там чудо в тот момент, когда они целовались, с наслаждением облизывая языки.

Надо сказать, что по согласию сторон в тот день им на несколько часов освободили комнату в общежитии. Все её обитатели отправились на танцевальную вечеринку, возвратиться должны были не раньше, чем через четыре часа.

Столько времени на уединение, и не где-нибудь в парке на скамейке, а в помещении, где есть кровати, пусть и узкие, для двоих влюблённых – немыслимая удача.

Нет, у них не было отчаянных планов, заготовленных заранее интимных фантазий или согласованных желаний опробовать экстремальные методы взрослого эротизма. Всё происходило, как обычно. Всевозможные способы поцелуйной гимнастики, лёгкие прикосновения и тесные объятия, только и всего.

Обычно они дарили друг другу ласки стоя и сидя. И вдруг первая возможность удобно примоститься на кровати. Это

что-то новое, неизведанное.

Лёнька решил сразу “взять быка за рога”. Поначалу нежно щекоча ямочку на ключице и шею, он ласково присосался к мочке чувствительного уха, сходу раззадорив подружку.

Сегодня она и не думала себя сдерживать, выражала эмоции достаточно свободно. Буквально через несколько секунд Алина затряслась, обхватив любимого так, что он едва не задохнулся, начала ёрзать грудью и бёдрами по его телу, застонала, закатив глаза, выгнулась дугой.

Её руки непроизвольно потянулись под Лёнькину рубашку, поднялись по животу до сосков, соскользнули за спину, с силой сжали его кожу, словно тисками, сделав довольно больно, затем нырнули со спины в трусы и притянули к себе нежные ягодицы.

Губы девушки впились в его рот, язык начал хозяйничать в нежной влажности, усиливая возбуждение многократно.

Запах желания окутал сплетённые тела плотным туманом, проникающим через обоняние прямо в мозг, зажигая ответные реакции, отключающие способность мыслить, разжигая потребность действовать.

От опрометчивого шага их отделяла лишь юношеская наивность и полное отсутствие сексуального опыта. Когда тело не имеет соответствующих навыков, оно не станет требовать неизведанных действий, если вы сохраняете толику контроля над собой.

Есть проверенные методы, довольно невинной реализа-

ции страсти. Этого достаточно для творческого процесса удовлетворения желаний разгорячённой плоти, когда соблюдаются охранные правила пересечения пограничных линий.

Собственно, никаких изменений эротического регламента ребята не планировали. Им и без того с избытком хватало сладости соприкосновения. Тела влюблённых гудели, словно трансформаторы высокого напряжения, время от времени сотрясаясь в конвульсиях.

Юноша, повинувшись направляющим движениям любимой, опустился на корточки. Тут же забрался головой под её кофточку, начал, посредством поцелуев и облизывающих движений языка возбуждать девочку, продвигаясь от резинки трусиков по упругой коже живота вверх.

Затем облизал впадинку пупочка и отправился вдоль по ложбинке напряжённого пресса до солнечного сплетения.

Лёгкого движения руками оказалось достаточно, чтобы бюстгальтер слетел вверх, оголив наливные яблочки спелых, вибрирующих в такт движениям грудной клетки холмиков, увенчанных сладкими горошинами, твердеющими от круговых движений влажного языка.

Девушка затрепетала, обхватила Лёнькину голову дрожащими руками, в то время как он принялся нежно сжимать тугие полушария, прощупывая сквозь тонкую кожу наполненные упругой твёрдостью кровеносные сосуды и пещеристую структуру грудной девичьей мякоти, одновременно поцасывая вишенки восставших сосков.

Алина охнула от нахлынувших мощной волной ощущений, опустила руки, привычно скрестив их, захватила края кофты и рывком сдернула её через голову.

Ей до страсти необходимо было видеть в деталях пикантный процесс, посылающий телу столь сладостные сигналы. Ещё секунда и гипюровый бюстик улетел куда-то в сторону, а любопытному взору открылась сцена немислимого разврата.

Алина, словно расчёсывая гребнем, нырнула раскрытыми пальцами в вихры любимого. Девушка почувствовала безграничную благодарность к нему. В сознании промелькнула стремительной тенью навязчивая мысль. Это было неосознанное до конца желание слиться, сделать щедрый, фактически бесценный подарок другу.

Внезапную эротическую рефлексию девушка старательно пыталась погасить в зародыше. Она испугалась даже призрака промчавшегося стремительно неразумного и опасного намерения.

Под Лёнькиными бесстыдными пальцами в каждой точке их касания, глухо, но ощутимо затрепетало испугавшееся вдруг неожиданных последствий сердце.

Казалось, будто оно уже не одно, что размножается, разлетаясь на маленькие кусочки, которые начинают жить собственной жизнью.

Несколько маленьких сердец переместились вниз, в самый центр интимности, где что-то стремительно и властно

начало расти, расширяться, гореть и содрогаться.

Заблудившиеся сердца завибрировали, начали конвульсивно сокращаться. По возбужденным телам прокатились одна за другой волны невыносимого сладострастия, потом напряжение резко опало, а по ногам потекло липкое и горячее.

Это было совсем новое ощущение. Алина помнила, что в детстве и юности несколько раз происходило нечто подобное, когда пришлось успокаивать писк, потому, что она чесалась.

Те ощущения не были настолько яркими, да и не дотрагивалась девушка до глупостей, как они с подружками тогда называли сморщенный пирожок, обитающий между ног.

Это чувствительное место теперь и выглядит иначе. Скорее оно похоже на цветочный бутон, который так приятно раскрывать и ласкать в горячей ванной. Лёнька до него не дотрагивался, а оно между тем отреагировало неожиданно сильным возбуждением.

Алина покраснела от осознания, будто нечаянно описалась. Что же ещё могло произойти? В комнате, как назло горел свет. Сейчас Лёнька увидит её конфуз, тогда конец любви и никогда больше не испытать того, что только что пронзило мозг и тело, разлившись впоследствии теплом и блаженной истомой.

Во что бы то ни стало нужно Лёньку отвлечь. Может быть, за чем-нибудь послать или самой пойти, будто бы в туалет. Только как об этом сказать? Она же девочка, это так стыдно.

И что делать! Значит, нужно выбирать то, что проще объяснить.

– Лёнь, извини, любимый. Мне нужно в дамскую комнату. Я быстро.

– Тогда я тоже.

– Давай, по очереди. Сначала я. Только ты отвернись, не смотри на меня.

– Может быть, чайник поставить кипятиться? У нас и печенье есть.

– Ббыло бы здорово. А сколько сейчас времени?

– У нас с тобой ещё больше двух часов.

– Здорово. Ты тут пока хозяйничай.

Раскрасневшийся Лёнька дышал, словно после спринтерского забега. Ему тоже непросто дались новые ласки, и трусы требовали срочной замены, но он-то знал причину, по которой у него протекло. Да и проще парню, поскольку происходило всё в его комнате.

Пока Алина бегала, юноша успел переодеться, немного остыл, успокоился. Чайник на плитке согрелся, выдавая через носик рулады, а крышка вытанцовывала, отчаянно звеня.

Эти движения и звуки вселяли уверенность, что всё просто замечательно. Как здорово, что они совсем одни.

Нужно только не забыть запереть дверь изнутри, чтобы внезапно вернувшиеся друзья не узрели лишнего. Это совсем ни к чему. Только разговоров и сплетен ему не хватает. И так все ехидно подмигивают, показывая за его спиной

неприличные жесты.

Лёнька налил чай, встал наизготовку в ожидании подружки. В это время она приоткрыла дверь, протиснувшись в неё бочком, словно от кого-то пряталась.

Неужели комендантша застучала, как она шла в мужскую комнату? На этот случай юноша припас большую шоколадку. Они ведь ничего такого не делают. Просто собрались попить чайку. Чего в этом зазорного?

Алина вошла. В это время один из стаканов, слегка подпрыгнув, лопнул от кипятка, залив сладкой жидкостью стол, стул и часть пола.

Лёнька бросился за тряпкой, начал затирать сладкие лужи. Ничего. Кипяток ещё есть.

После неожиданно страстных эротических приключений горячий чай пришёлся впору. Ребята пили, старательно дуя, грызли печенье с сухарями, поглядывая на часы, стрелка которых неумолимо двигалась в сторону финишной отметки.

Не хотелось терять даром ни одной минутки. За оставшееся время можно столько всего успеть.

Вытерев полотенцем пот, выступивший от горячего питья, влюблённые немедленно метнулись на кровать, чтобы продолжить процесс взаимного познания в более комфортной обстановке.

Девушка, не задумываясь, сбросила одежду выше пояса и забралась под одеяло. Следом запрыгнул Лёнька, последовав примеру подружки, тоже с оголённым торсом.

Они немного повозились, словно сытые шаловливые щенята и сплелись обнажёнными телами, почувствовав прохладу совсем незнакомых ощущений от тесного контакта.

На этот раз в щекотливом положении оказался Лёнька. Прикосновение оголённой кожей к упругости нежных холмов обожгло незнакомой энергией, одновременно наполняя кровью совсем не детскую игрушку, восставшую в брюках колом.

Подружка, ни о чём таком не догадываясь, ловко и стремительно нырнула рукой в этот опасный участок. Она и не предполагала, что мелкое хулиганство окажется дерзким вторжением в зону боевых действий. Но было уже поздно.

Если раньше, проникая на мгновение на территорию противника, она находила там островок кудрявых волос и сморщенную холодную кожу, то теперь рука упёрлась в пульсирующий горячий предмет приличного размера.

Из озорства или от растерянности девочка обхватила его, зажав в кулак. Тут же почувствовала упругое сопротивление и отчаянное биение в нём сердца. Во всяком случае, так ей показалось.

Подержав это необычное живое нечто, Алину накрыло волной загадочного состояния. Всё-таки она уже не подросток и живёт среди людей, в большинстве своём давно уже познакомившихся с этим любопытным объектом.

Разговоры о том странном агрегате случались при ней не раз, но девочка особенно к ним не прислушивалась. Однако

кое-что из их слов уловить успела.

Что это и для чего используется, поняла сразу. Сердце ухнуло и побежало галопом, подбрасывая тело, словно держала она в руках отбойный молоток.

Испугавшись собственной догадки, девушка сжала стержень ещё плотнее, вырвав тем самым у любимого отчаянный стон.

Его мозг моментально переключило. Бразды управления телом перехватил природный инстинкт размножения, разбуженный внутренней химической лабораторией, получившей приказ глушить сознание, направив все силы на завоевание самки.

Дальнейшее произошло быстро, словно готовилось заранее. Лёнька навис над девушкой, нежно, но уверенно. Аккуратно сдёрнув с неё трусики и юбку, раздвинул белые податливые бедра и устроился между ними.

Алина готова была кричать и сопротивляться, но нечто, оказавшееся сильнее её, сковало движение мышц, парализуя волю.

Девушка лишь наблюдала за процессом, происходящим, словно во сне, неспешно и неотвратно, как замедленный кадр в кинофильме, не в силах противостоять совершаемым Лёнькой действиям.

Юноша двигался, словно зомби. Или Алине это только казалось. Её глаза расширились в ожидании чего-то очень страшного, чего невозможно уже остановить.

Лёнька потрогал влажные, расходящиеся в стороны лепестки налившегося горячей кровью цветка, поднёс мокрые пальцы к носу, вдохнул терпкий запах липкого нутряного сока, лизнул его и погрузил в горячую глубину палец.

Девушка вздрогнула, выгнула спину мостиком, не приняв, однако, никаких защитных действий.

Парень взял в руку отвердевший окончательно рычаг, раздвинул лепестки набухшего цветка и осторожно ввёл оголённый наконечник в скользкую мякоть возбуждённого лона.

Алина инстинктивно пыталась сдвинуть бедра, защищаясь от посягательства, но юноша оказался сильнее и проворней, не дав перламутровой раковине захлопнуться.

Раскрыв пальцами благоухающий вход в пещеру девственных тайн, Лёнька не торопился, хотя инстинкт требовал брать силой, не рассуждая, пока девушка не пришла в себя.

Юноша внимательно следил за реакцией подруги, боялся причинить ей боль. Лёньке хотелось остановиться, прекратить насилие, ведь девочка не давала ему согласие на проникновение, но зов природы оказался мощнее, вынуждая действовать решительно и быстро.

Остатки сознания боролись с нетерпеливым инстинктом, требующим немедленных грубых манипуляций с готовым к совокуплению цветком.

Для генетически обусловленного поведения возбуждённого самца важен лишь результат, достичь которого можно только реальным оплодотворением.

Как парнишке удалось одолеть превосходящие силы гормонов, непонятно, но он терпел из последних сил, погружаясь в бездну раскрывшегося цветка медленно и нежно. И всё же на пике воздействия гормонального допинга Лёнька чуть не сорвался в пике, почувствовав неудержимую похоть.

Таран целиком скрылся в девственных недрах, не причинив при этом даже малейших страданий и боли любимой девушке, начав размеренные поступательные движения.

В этот момент подруга вышла из оцепенения, но не посмела прекратить самовольное вторжение любимого в интимные пределы девственного естества, зачарованно наблюдая за медленными качающимися движениями мощного поршня.

Когда Лёнька излился, не до конца сознавая смысл происходящего, прямо в жерло бутона, девушка закричала от отчаяния, колотя его кулачками в грудь.

О последствиях извержения мужского секрета её предупреждали.

Расстроенная девочка разрыдалась, заливая себя и постель потоками солёной влаги.

В это самое время в комнату ввалилась команда подгулявших обитателей комнаты, ставшая невольными свидетелями финальной сцены самого интимного акта любви.

Влюблённая пара в костюмах первобытных обитателей библейского рая азартно выясняла отношения.

Алина нападала, Лёнька вяло уворачивался.

Незадачливые влюблённые предстали перед зрителями во

всей обнажённой красе. Дверь они так и не закрыли, потому, что отвлеклись на треснувший стакан.

Пришлось срочно нырять под одеяло, но уже было поздно прятаться.

Никто из пришедших не проронил ни слова. Все, молча, развернулись и вышли, дав ребятам время одеться, и замести следы сладкого греха.

Дальнейшее происходило, словно во сне. Влюблённые оделись, красные, как раки вышли из комнаты, ни на кого не глядя.

Лёнька всю дорогу шёл сзади. Перед своей комнатой Али-на остановилась, с разворота влепила парню звонкую пощёчину, пустила слезу, всхлипнула и скрылась за дверью.

Лёнька чувствовал себя конченным негодяем, насильником и предателем.

Мальчишки при возвращении хлопали его по плечу и показывали кулак с поднятым вверх большим пальцем, а ему хотелось провалиться от стыда и чувства вины сквозь землю.

Всю ночь ему снилось повторение случившегося, внизу живота ни на миг не отпускало напряжение.

Сколько ни анализировал Лёнька ситуацию, никак не мог решить: хорошо он поступил или плохо.

Мелодия дождя Глава 9

Больше недели Алина не разговаривала с Лёнкой, хотя тот ходил за ней по пятам: уговаривал, извинялся, вставал на колени. Она не злилась, не предъявляла претензий, просто не замечала, словно он пустое место.

Парень, было, совсем отчаялся, но девочку внезапно отпустило. Алина сжалилась над ним или рассчитала ходы, как в шахматной партии, но поманила выразительным движением указательного пальчика, подкрепив его воздушным поцелуем.

Подруга отвела Лёнку в тёмный конец длинного коридора, взяла за руку, прижалась всем телом, спрятав лицо на его груди. Парень забыл, как нужно дышать, стоял и не решался обнять. Он чувствовал себя, как в начале знакомства, когда каждое касание давалось неуверенно, с оглядкой на отклик.

Алина удовлетворённо сопела, прижимаясь холодным носом к его шее, не предпринимая, однако, активных действий. Ожидала, когда инициативу проявит любимый.

Лёнка обмирал от желания вернуть отношения в прежнее русло, но чувство вины останавливало.

– Ты прощён, Лёнка. Я виновата не меньше, нечего было возбуждать так откровенно.

– Я не хотел. Сам не понимаю...

– Не оправдывайся. Если честно, мне было очень хорошо,

только я не сразу это поняла. Но если залетела, не знаю, что с тобой сделаю. Придётся рожать. А учёба? Нафига тогда я два года горбатилась? Придётся, наверно, аборт делать.

– Я не согласен.

– Чего! Как это, не согласен, получил, чего хотел и в кусты?

– На аборт не согласен.

– Научись рожать, тогда будешь права качать. Не согласен он. А жить, на что будем? Пожрать толком не на что. Вот ты, чего сегодня в завтрак ел... а в обед? Молчишь... а я тебе скажу – ни черта ты не ел. Загляни в карман. Не стесняйся, высыпай всё, что найдёшь. А до стипендии ещё больше недели. Вот и прикинь. Даже слушать не хочу. Моли создателя, чтобы наше эротическое приключение добром кончилось.

– И как мы это узнаем?

– Угадай с трёх раз. Знаешь, что такое месячные?

– Ну, так, схематично. Я же биолог. Овуляцию, охоту, течку, всё изучали.

– Так чего спрашиваешь? Ты первый узнаешь. После меня, конечно. Если залетела – берегись!

– Я жениться готов. Хоть завтра.

– Шустрый какой. Конечно, такой исход исключать нельзя. Может и правда придётся. Но скромно, без помпы. Родители ничего знать не должны. Только друзья. Маленькая студенческая вечеринка. Потанцуем, салатиков поедим и всё.

– Как же без родителей, почему?

– По кочану! Это моё условие.

Лёнька спорить не стал, согласился безоговорочно. У него на примете даже предложение подработать было. Надо же на что-то купить необходимое для свадьбы.

Временную, но хорошо оплачиваемую, физически очень тяжелую и грязную работу на стройке ему предложили однокурсники. Трудиться придётся преимущественно по ночам, зато за пару месяцев вполне можно заработать на приличную вечеринку.

Юноша ликовал. Обстоятельства, как ему виделось, складывались замечательно. Взять в жёны любимую девушку, это же предел мечтаний каждого. Тем более, что Лёнька удостоверился в своей мужской состоятельности, а заодно и целомудренности невесты.

А ещё... ещё у них теперь нет никаких преград, ограничивающих пределы общения. Пусть случившееся не совсем правильно. Но ведь если по совести разобраться, Алина сама спровоцировала процесс дефлорации.

Для чего было преждевременно переступать черту? Может быть, даже к лучшему, что ни ей, ни ему не пришлось мучиться, переживать, как и когда на такой шаг решиться?

Ведь можно всю голову сломать одной только мыслью, получится или нет? Одновременное превращение подростков во взрослых прошло без сучка и задоринки, если только это событие не омрачит нечаянная беременность.

Откуда Лёньке было знать, что эти явления взаимосвязаны? Теперь, конечно, просветили.

Когда шустрые головастики отправились в путешествие в недрах материнского лона, он понятия не имел, откуда это берётся и для чего нужно, хоть и изучал все эти процессы детально. Думал, что человек и зверь – не одно и то же.

Изменить случившееся невозможно, значит, и переживать по этому поводу бесполезно.

В конце концов, даже такие наивные невежи, как Лёнька, должны понимать – соль жизни заключается в том, что она совсем не сахар. За любые поступки приходится отвечать, зачастую ограничивая потребление и свободу.

Живём, однажды. Других попыток не будет.

Если стараться, можно любой минус превратить в плюс. Тем более что теперь они вдвоём, можно сказать, настоящая семья.

Любимая заменила ему всё на свете. Лёнька перестал воспринимать Алину, как отдельное существо. О чём бы ни шёл разговор, себя и подружку он называет “мы”. Неразрывная связь заставила на все явления смотреть иначе. Его уже не коробило от слов любовь, семья, ребёнок.

Друзья входили в положение, время от времени освобождая молодым комнату, чтобы могли, уединившись, насладиться друг другом. Дело-то молодое. Шутили, конечно, непристойно, ржали как кони, но при девочке делали вид, что ничего не видят, не слышат и не понимают.

Всё реже Лёньку посещали мысли о путешествиях. Разве можно мотаться по свету, бросив любимую, отказавшись от интимного счастья? Ну и пусть он не станет выдающимся учёным. Разве есть что-то, важнее любви?

Время шло, Лёнька свыкся с мыслями о браке, уверил себя, что это необходимо. Как ещё он может доказать свою преданность?

Разговор об этом он заводит всё чаще. Однако, Алина, убедившись в том, что беременности не последовало, чего она опасалась больше всего, стала избегать ответов и полемики на эту горячую тему.

Оставаясь одна, девочка размышляла о плюсах и минусах семейной жизни, пыталась из отдельных фактов собрать законченную мозаику, но отдельные фрагменты никак не стыковались в нечто цельное. Ей казалось, что Лёнька и она слишком торопятся связать себя непосильными, преждевременными обязательствами.

С чего они могут начать? Нет у них, не то, что фундамента, даже первого камня, который можно положить в основу семейного строительства. Чувства и эротические забавы на хлеб не намажешь.

Приятно, конечно, иметь взрослые отношения: возбуждает, нервы щекочет, эмоции, словно дрожжи на опаре, переполняют всё осязаемое существо; душа, то и дело отлетает в неведомые дали. Да что там говорить, разве можно сравнить опьянение от любви, когда паришь в невесомости, допустим,

с алкоголем?

Алина училась уже два года. Насмотрелась. Студенческие свадьбы то и дело справляли. Только созданные семьи, рождённые возвышенными чувствами и неземной страстью, распались, не просуществовав и года. Большинство – по причине измен. Причём, изменяли оба. А что это значит? Да то, что никакой любви в помине не было. Игра такая была – в дочки-матери, не предполагающие усилий и ответственности.

Закономерно задать вопрос, – женились-то зачем, если в соседский огород сильнее тянет, чем свой обихаживать хочется? Ей такая игра не по вкусу.

Зато Лёнька заболел свадебной лихорадкой. Только о том и думает, как после бракосочетания счастливо заживут. Что у него на уме, непонятно.

– Я тебя очень люблю и надеюсь прожить рука об руку до самого конца. Даже не представляешь, это такое счастье, когда любовь и вообще, – наступал Лёнька.

– Извини, не расслышала, что ты сказал про конец, – ловко парировала Алина.

– Да, любимая, жизнь действительно полна сюрпризов, с этим не поспоришь. Интересно, о чём ты думаешь, когда я чего-нибудь тебе говорю? Похоже ты на концах зациклилась. Тебе не хватает секса?

– Ну, что ты, милый. Просто о нас с тобой задумалась. Молодые мы ещё очень. Стоит ли нам жениться? С одной

стороны, вроде хорошо. Совместное хозяйство, ответственность, любовь, секс, сколько влезет. Пока влезает, конечно.

– К чему твой сарказм? Вопрос слишком серьёзный.

– Несомненно. О том и речь. С другой стороны, ерунда какая-то получается – а нафига мне, спрашивается, это совместное хозяйство, с ответственностью вместе? Если я, допустим, сегодня в кино хочу, а ты в бассейн? К примеру. Не важно, куда, просто у меня настроение в кровати поваляться. Одной. Помечтать, с интуицией посоветоваться, поплакать, да мало ли какие у человека желания могут случиться. Депрессия у меня, сердце болит, видеть никого не могу.

– На клубничку потянуло, как бы развлечений не хватает?

– Я же сказала – к примеру. Хватает мне всего. Сегодня, во всяком случае. Ещё не наелась, аппетит хороший. Допустим, устала от общения, или неприятности одолели. Одиночества хочется. Лежу, мечтаю. О хорошем. Пальчиком помогаю. Солнышко в окне. Тени ажурные. Небо в плывущих облаках. Тепло, уютно, сладко. Никуда не хочется. Нирвана. Закроешь глаза и паришь. А тут, бац! В магазин беги, завтрак готовь, мой, стирай. Ответственность. Потом ты домой припрёшься, усталый, вонючий. Жрать подавай, секса и зрелищ! Но мне-то, мало того, что лениво, состояние полного блаженства. И секса, даже если желание есть, хочется совсем не такого, как тебе.

– Нашла проблемы. Неужели сложно обсудить, куда, как, сколько, язык-то на что? И про одиночество тоже. Понятно,

что у каждого должна быть неприкосновенная интимная зона, куда посторонним вход воспрещён. Научимся договариваться.

– А если нет... таблички развесим, не влезай – убьёт! Осторожно – высокое напряжение! Так, да? Тебе сегодня одно важно, мне – совсем другое. Я, допустим, заранее чего-то запланировала. Мечтала провести время с подругами, или на вечеринке, подготовилась, настроилась. Тут муж нарисовался. Собирайся. Пошли. Надо.

Кому надо! Тебе нужно, иди. Допустим, завелись не на полную катушку, сумели вовремя на тормоз нажать. Любовь, всё же. Но и уступить не можем. Ты направо, я – налево. Обида. Мысли всякие. Подозрения. Сомнения, опасения, недоверие, гипотезы, допущения, догадки. Ничего не упустила? Брак ведь права налево лишил обоих.

Права, но не возможности. Ясно излагаю?

Ты не можешь расслабиться, думаешь, предполагаешь, всю голову сломал. Я – тоже. Накрутили в мозгах килограмм спагетти с пикантными приправами, специй набросали солёных и острых, варим. Домой возвращаемся, похлёбка кипит, наружу вываливается и булькает. Смотрим друг на друга волками, которых подозрениями и предположениями накормили. Ты мне слово, я те два. И понеслась... по кочкам. Хлоп тем варевом в морду. Ты – такая, ты – такой! Ты плохая, ты плохой!

– Все неразрешимые проблемы в браке через постель ре-

шаются.

– До неё ещё добраться нужно. Мы же друг другу по какой-то причине не верим. Думаешь, если у меня в голове бубен звучит, я перед тобой ножки раздвину? Чёрта с два! Мне захочется тебе в бубен дать, или коготками татуировку на личико нанести. Не так-то просто уложить в постель разъярённую фурию.

– Не фантазируй. Перегибаешь, передёргиваешь. Не станем мы так далеко заходить.

– Ой, ли? Ты и не заметишь, как ситуация дозреет. Миллион раз видела, как это происходит у друзей, подружек, да и у родителей тоже.

– Мы же люди трезвые, образованные. Чего сами не знаем, в книжках прочтём, совет спросим.

– Хочешь сказать, что сорятся только недоучки? Жизнь сложнее и проще. Сейчас я предполагаю, выстраиваю конструкцию возможной закорючки. Кроме того, у нас нет отдельного жилья. Свободная кровать в общеаге, сам понимаешь, дефицит. Всем оттянуться хочется. Не только тебе. Комнату снять не на что. Лавы наны, как говорится. Нас же, меня, по крайней мере, родители содержат. Котелки наши возбуждённые кипят, это понятно, женилки, взвинченные неоднозначной интимной ситуацией, наливаются, разбухают, требуют доказательств любви, сатисфакции, удовлетворения. Немедленного. А возможности удовлетворить страсть, нет. Каждый остаётся при своём, с чем и разбегаем-

ся по своим норам, каждый в свою комнату. Мечтать, гре- зить, самоудовлетворяться. Процесс развития провокации успешно продолжается, у каждого свой. Вопрос-то завис, да- же задать его друг другу, мы не имеем возможности. Во, как. Какая же это семья? Да и не знаем мы толком друг друга.

– Нагнетаешь на пустом месте. Пара поцелуев, томный взгляд, позитивная улыбка и нет проблем. – В это время под- ружка заскакивает, вон с той соседней койки, Милка зовут. Красотулька зеленоглазая с офигенными такими сиськами, с ножками от ушей и улыбкой во всю моську. Хлоп-хлоп раз- вратными зенками. Подсознательно искушает. Просто так, на всякий случай. Флирт – это когда девушка не знает, че- го хочет, но всеми средствами добивается этого. С ней всё понятно. Она свободная, зато ты женат. На мне, между про- чим. Но пялишься на неё. Без задней мысли. Вроде как ра- ди приличия. А я закипела. От тебя желанием и эротикой за версту прёт. Ты же возбуждён. Понятно, что девчонку пере- клинит. Но и тебя тоже. Тут, как говорится, Остапа понесло. Я руки в боки и... могу и глаза случайно выковырнуть. Не веришь? А ты попробуй.

– Тебе бы романы писать. Фантазируешь убедительно. Это же мелочи жизни. Выясним, что подозрения беспочвенны и все дела.

– Не тут-то было. Разведка, конечно, факты установит. Со временем. Но осадочек останется. В другой раз ещё слой, и ещё. Долго мы так выдержим? Рано или поздно нарыв лоп-

нет.

– А мы его пивом. Я хотел сказать, нежностью, любовью и сексом. Можем прямо сейчас и начать.

– Допустим. Жена – не невеста. Ей большего захочется. Туфельки там, пальтишко, машинку стиральную. Бельё эротическое. А ты – гол, как сокол. Любовью сыт не будешь. Девушка, между прочим, кушать хочет, в кино иногда сходить, колечко с бирюзой, причёску модную. По мелочи много чего надо. Гигиену и красоту соблюдать надо. Догадываешься, сколько всякой хрени нам, девушкам, нужно, чтобы ты с придыханием в глаза-озёра заглядывать мог, имея на то реальные основания?

– Другие же живут как-то. И счастливы. Тебе же не каждый день всего этого хочется.

– По-разному. Бывает, что каждый. Есть счастливые пары, не спору. И такое случается. Лично ты готов к настоящим семейным трудностям, какие у тебя планы на дальнейшую жизнь? Всё ещё учёным стать хочешь, путешествовать, исследовать, кабанам и ласточкам глазки строить будешь? С ними же и сексом заниматься? Не выйдет. Женидьба и тебе карьеру с судьбой поломает. Как думаешь, когда у тебя в очередной раз в головушке закипит, кого винить будешь? А если плоды любви созреют? Оглянись вокруг. Посмотри, сколько ребят после опрометчивых студенческих свадеб учёбу бросают, идут строителями и грузчиками работать, а параллельно ищут удобную и необременительную сексуальную скорую

помощь.

– Ты рассуждаешь, как бывалая дама, трижды сходявшая замуж. А молодые соки, энтузиазм, максимализм? Не боги горшки обжигают.

– И обжигаются при этом сами. Чувствуют себя, как запечённая утка: с поджаристой корочкой, духовитая и румяная, в яблоках, с острыми специями. Просто объедение. Но в духовке. А я жить хочу, пока молодая, красивая, аппетитная и желаний имею не счесть сколько. Ты ведь даже не представляешь, о чём я мечтаю. Жизни не хватит, чтобы все мои желания выполнить.

– Не пойму тебя, Алина. Отговорить пытаешься... себя или меня?

– Рассуждаю, прикидываю. Не прикидываюсь, а размышляю, обдумываю. Понимаешь Лёнька, женятся второпях, вроде понарошку, а детей настоящих между тем рожают. И что потом?

– Думай, не думай, сто рублей – не деньги. Проблемы надо решать по мере их поступления. Будущего не существует, потому, что оно находится в процессе творческого созидания.

– Именно так. Твоей стипендии даже на контрацептивы не хватит. Рожать будем... а учёба тогда как! Завяжем с этим гиблым делом? С образованием, например. Или член бантиком завяжешь? В семье кто-то непременно должен быть лидером, решения принимать. В нашей тёплой паре кто на это

способен?

– Не хохми, подруга. Из любой ситуации есть выход. Думаю, не один. Рано пока решать, кто в семье главный. Обычно это тот, кто больше ответственности на себя берёт. Работать пойду.

– Надорвёшься. Учиться и работать одновременно долго не выдержишь. Болеть начнёшь от переутомления, потенцию потеряешь, про желания забудешь. Сам потом скажешь, – “да пошла она, грёбаная семейная жизнь.” А виновата в твоих глазах я буду.

– Получается, ты мне сейчас на дорогу камешек с информацией выкатила, на котором, как в сказке – налево пойдешь, направо или прямо, однозначно всё теряешь. Предлагаешь повеситься, или другой выход видишь?

– Пока нет. Думаю. Откуда мне знать, что у нас любовь настоящая?

– Какая же ещё! Что скажешь, если я недельку к тебе ходить не буду?

– Заскучаю. На стенку кидаться буду. Нырну в виртуальный мир.

– Значит, любишь?

– Сказала же, не знаю. Ты мороженое любишь?

– Обожаю. Но тебя больше.

– Представь себе, что мы женаты. Я тебя на работу собираю, выставляю на стол миску пломбира. С собой укладываю в сумку литровую банку Ленинградского мороженого, с шо-

коладной глазурью. Вечером – торт мороженое, и коктейль, из него же. И так каждый день. Что скажешь?

– Бредовая идея. Так не бывает. Обьешься и блевать начнёшь.

– Тогда другой пример. Сколько раз в день ты меня хочешь?

– По-разному. Иногда три, бывает, что три раза за час.

– Да ты просто половой гигант. Не объелся ещё?

– Не дождёшься. Я и говорю, что это любовь.

– Ответ не верный. Это похоть. Гормоны. То же мороженое. Рано или поздно объешься. Сейчас для тебя секс... конкретно со мной – изысканный деликатес. Пройдёт немного времени – будешь называть это приевшееся лакомство супружеским долгом. А долги, увы, напрягают всех. Очень уж неприятно своё отдавать. Зато в соседнем огороде такая аппетитная клубника тем временем поспевает.

– Ты же знаешь, я однолюб. Ответственность, чувство долга, совесть, наконец. Семья на таких ценностях держится.

– Опять всё на долге замыкается. На несвободе, на цепях, на принуждении. Одно дело, когда в охотку. Прикинь разницу, между сексом как хобби, аппетитном чувственном удовольствии, и обязанностью трахать. А за углом свободная мечта, Милка длинноногая. Смотрит на тебя с вожделием и разводит аппетитные белые бёдра, как пожелаешь. Забежал к ней на секундочку, чмокнул в носик, приник к сладкому источнику, опростался. С удовольствием. И никому ни-

чего не должен.

– А позитивное мышление? Зачем так усложнять. Не сексом единым жив человек. Эротические ощущения лишь приятная добавка к любви. Главное – духовное единство, общие цели. Работать пойду. Неужели думаешь, что я для тебя не постараюсь? Одному, конечно, поначалу сложно будет. Вдвоём – справимся.

– Выкладывай, как?

– Не паниковать, решать проблемы по мере их поступления.

– Вот тебе первая. Сними комнату.

– Зачем она нам? Лучше денег на свадьбу подкопим.

– Это называется отложенный спрос. Забываешь, Лёнька, что я на экономиста учусь. Отложить, значит перенести на неопределённый срок. Зарезервировать долг. Берёшь кредит без обеспечения и бодреньким шагом топаешь к банкротству. Нет в жизни ничего более постоянного, чем временное. Тебя устраивает быстрый приходящий секс на чужих кроватях? А меня нет.

– Чем он хуже секса, на своей? Ты же не кровать ублажаешь, любимого? Того же самого.

– Не скажи. Вспомни, как нас дружки твои врасплох застали. Я была готова сквозь землю от стыда провалиться.

– Элемент случайности неизбежен. Даже если всё предусмотрено.

– Твой оптимизм я понимаю так: жить собираешься се-

мьей, но ответственность за неё возложить на случайности. И на родителей. Это называется инфантилизм.

– Ну и что! Начнём работать, вернём с лихвой.

– Бабушка надвое сказала. Думаешь, если два недозрелых фрукта положить вместе, они автоматически созревают? Боюсь, скорее, начнут гнить. Ты будешь делегировать ответственность и обязанности мне, я – тебе. Потом начнём кивать друг на друга, обвинять. Он раньше таким не был! Был. В том и проблема, что мы не меняемся. А розовые очки со временем выцветают.

– Хочешь, чтобы я бросил учёбу?

– Не хочу. Ты мужчина, у тебя возможности упущенные иные. Давай я пойду работать. Переведусь на заочное отделение, в другой институт.

– Много ты зарабатываешь без образования? Я хотя бы тяжёлым трудом могу копейку добыть.

– Не знаю сколько. Зато картина прояснится. Нужда заставит что-то менять, будем стараться выбраться. Это не конкретное предложение, размышление вслух.

– Тогда работать нужно идти мне. На стройку, на производство. Но биологов заочно не обучают. Придётся менять профиль, рушить то, на что силы и время уже потрачены.

– Не хочется, правда?

– Конечно, нет.

– А жениться?

– Это вопрос решённый.

– Когда и кем... о чём тогда мы беседуем, если ты без согласия меня замуж выдал?

– Ты меня, Алина, намеренно путаешь. У тебя не голова, а самогонный агрегат. Загружаешь одно, на выходе совсем другое, причём гораздо крепче. Слушаю тебя и торчу, словно пару стаканов жажнул.

– Всё намного проще. Боюсь обмануть твои ожидания. Свои – тоже. Нищета и бесперспективность не для меня. Ты, например, кем будешь? Не знаешь. Вот и я тоже не ведаю, что судьба преподнесёт..

– Никто не знает своё будущее. Даже если что-то сразу не получится, можно начать сначала.

– Лежишь, весь такой волшебный, мечтаешь, ничего не делаешь. Потом жмёшь плечами, – ну, не смогла я. И приступаешь делать сначала. То есть опять ничего не делать? Как-то так, да?

– Пешком не пойду, на лошади не поеду, а на такси – денег нет. Давай Алина сессию сначала сдадим, махнём в стройотряд, заработаем денег, тогда снимем квартиру. Поживём, поваримся в настоящем семейном соку. Тогда и решим, что и как.

– Я не против любого реального решения. А если не заработаем, тогда как! А если сок забродит?

– Тогда пойду работать на стройку. Или в такси. Переведусь в педагогический на заочное или вечернее. Детишек учить буду. Биология, география, природоведение. По ру-

кам?

– Предлагаю записать сказанное. Будем считать это эскизом, черновиком, декларацией о намерениях. Дальше, как карта ляжет. Скрепим договор символическими подписями, поцелуем например, и продолжим жить, как прежде, не заморачиваясь на невыполнимых задачах. Кстати, любимый, поинтересуйся, сколько педагоги зарабатывают. Я жить хочу, а не выживать.

– Один ум хорошо, а два лучше. Я же говорил, что обо всём можно договориться.

– Вот и проверим, настоящая наша любовь или так, на пару-тройку прогулок. Я же не против любви. Я за то, чтобы её, прежде чем на рельсы ложиться, пощупать на прочность.

Мелодия дождя Глава 10

Казалось бы, всё серьёзно обговорили, но Лёньке неспокойно. Какие странные разговоры. Он ведь книжки тоже читает. Девочки от рождения о свадьбе мечтают. Если вдуматься, получается, что он за семью, а Алина – против.

Возразить невозможно, в каждом суждении истина, которой сложно чего-то противопоставить, а он добивается непонятного.

Лёнька столько раз представлял себя в роли отца и мужа, что проблем попросту не видит. Хоть сегодня готов начать семейную жизнь. Мелочи в виде съёма квартиры абсолютно не значимы для него, юноша готов на любые лишения ради любимой.

– Лёнька, устала я от серьёзных разговоров, – говорит девушка, – мозг скоро взорвётся. Давай просто жить с удовольствием. Зачем пытаться лезть туда, где притаилась неизвестность? А если там темно, сыро, опасно, противно, об этом не подумал?

– Любой путь начинается с первого шага. Если не пробовать, никогда не узнаешь, чего нашёл и что потерял.

– Тебе нравится меня целовать, я достаточно нежна и желанна? Пользуйся подарками, пока жизнь представляется праздником. Мне тоже хорошо с тобой. Зачем собственно-ручно создавать проблемы, которые могут оказаться неподъ-

ёмными? Успеем ещё стать скучными озабоченными взрослыми. Предлагаю идти на улицу хрустеть снегом. Я в этом году ещё ни разу неспешно не дышала морозом. Ты когда-нибудь замечал, что студёный воздух пахнет арбузом? Сегодня свежий снег выпал. Белый, сверкает. Красиво. Конечно, я больше весну и золотую осень люблю, но выбирать не приходится. Как ты думаешь, рисковать лучше или пользоваться доступными благами, судьбу испытывать, или снегом хрустеть?

– В детстве я все сезоны любил, но зиму, наверно, больше. Коньки, хоккей, санки. Сосульки грызли. Можно и снегом хрустеть, и семейную жизнь налаживать. Но тогда тебя ещё не было. Я тебя люблю.

– Не усложняй, Лёня. От добра добра не ищут. Ты был, а я ещё не родилась, так что ли? Мы ровесники.

– Раньше была другая жизнь, в которой тебя не было, а у меня была другая невеста.

– Ах ты, изменник! Колись. Сколько лет было девушке, красивая?

– Обыкновенная. В первом классе было дело. Мы поклялись в вечной любви и готовились к свадьбе. Родители тогда поздно с работы возвращались, времена тяжёлые были, а мы предоставлены сами себе. Гулять мы могли сколько угодно, хоть до восьми часов вечера. В это время уже совсем темно было. Кушать хотелось, страсть. А газ нам зажигать не разрешали, чтобы дом не спалили. Хлеба с солью или сахаром

наедемся и опять гулять.

– А родители знали о ваших планах?

– Нет, конечно. Я, почему о том случае вспомнил, мы тоже пошли хрустеть снегом. Самые большие сугробы лежали за жёлтым домом, самым старым в городке. Мы с Олей, держась за руки, брели по снежной целине, проваливались по пояс и глубже. Ощущения фантастические: мороз, щёки горят, жить хочется. Мы тогда семьёй себя с ней чувствовали. На полном серьёзе. Даже детей намечали завести, только не знали с чего начать.

– Теперь знаешь?

– В общих чертах. В тот день отопление прорвало в первом подъезде. Мы об этом не знали. Пар видели, но думали, что это туман от мороза. Я предложил в сугробе пещеру вырыть, убежать от родителей и жить там. Не знаю, о чём мы думали, но за работу взялись с энтузиазмом. Копали, радовались, намечали, где что у нас будет из мебели, и вообще. Эти действия замечательно глушили голод. Когда всерьёз чем-то занят, вроде и есть не очень хочется.

– Прикольно. Ты уже тогда подсел на тему семьи. Понятно, почему тебе жениться приспичило. Комплексы, тяжёлое голодное детство, деревянные игрушки. В пещеру не пойду, не уговаривай. У меня другие планы.

– Да ну тебя. Никогда не слушаешь. Дорылись мы до того места, куда из батарей горячая вода протекла. Обрадовались, что у нас в пещере тепло будет. И провалились в яму,

где кипяток скопился. Конечно, он уже основательно остыл, но обожглись всё равно. Мокрые полностью. Темнота. Снег подмыло, свод нашего тоннеля обвалился. Мы кричим, никто не слышит. От неожиданности и темноты потеряли ориентир, не знаем, куда копать, чтобы из западни выбраться. У Оли истерика. Я вместе с ней, за компанию разревелся. Семья же.

– Хорошо, что рассказал. Буду знать, что ты человек несерьёзный.

– Напротив. Взял я себя в руки, невесту ведь спасти нужно. Реву и рою. Откопался. Замёрзли страшно. Одежда обледенела. Побежали ко мне домой. Родителей ещё нет. Разделись догола, мы тогда о стеснении ничего не знали. Залезли в горячую ванну, а одежду, чтобы быстрее высохла, я в зажжённую газовую духовку засунул. Насыпали мы в воду резиновых игрушек: уточек, корабликов, воды горячей налили, согрелись. Играем, весело.

– Вот когда ты уже с женщинами романы крутил. Голые, значит?

– Голые. Заигрались мы. Весь пол в ванной залили, безобразничаем. Здорово. Нас тогда тело мало интересовало. И вдруг гарью потянуло. Тут я вспомнил, что одежда сушится в духовке. Выскочили, вся квартира в дыму. Растерялись, не знаем, что делать. Открыли духовку. Представляешь запах горелой одежды? Схватил я половник, давай выгребать горелую ветошь. Обжёгся, весь в саже, голый, рожа в соплях.

Невеста не лучше. Одежда тлеет. Схватил я кастрюлю, набрал воды из ванной, заливать начал. В кухне, пол из линолеума. Скользко. Оля за меня держится, испугалась, истерит, тушить мешает. Встаём, падаем. Пол чёрный, липкий, плита такая же. По всему коридору сажа и скользкая вода, ванна не лучше. Вот-вот родители придут. Подружку даже завернуть не во что, всё тлеет. Залез в гардероб, достал мамкино платье. Попутно свалил с полок постельное белье, кое-что ещё. Начали обратно заталкивать. Короче, комнату и содержимое шкафа заляпали полностью.

– Не знаешь, почему мне смешно?

– Догадываюсь. Мне теперь тоже. А тогда не до смеха было. И тут родители пришли, дверь своим ключом отрывают. Да не одни, с Олиной мамой. Навстречу два растрёпанных, сопливых, голых негритёнка. Как у тебя с воображением?

– Образно рассказываешь. Дальше-то, что?

– Меня выдрали ремнём, отмыли и уложили спать. Но сначала я наревелся до икоты. Одежда в то время была в единственном экземпляре. Пришлось родителям в кассе взаимопомощи деньги просить. Была тогда такая палочка-выручалочка. Олю её родители не тронули. Я всю вину на себя взял. Заболели мы оба. Температура, лихорадка, постельный режим. Все наши с подругой мечты о семье и детях рухнули в одночасье. Дружить со мной ей запретили. Совсем. Одежду для Оли мой папка вручную шил. Их три сестры, а зарплаты у родителей копеечные. Купить не на что. Тогда все так

жили.

– Джентльмен. Пытаешься убедить меня в своей надёжности?

– Нет. Рассказываю, как снегом хрустел. Совпадений боюсь. Пойдём сейчас с тобой, нахрустимся досыта, и ты меня бросишь.

– Неужели так хочется детскую мечту осуществить? Скажи, как так получается, о чём бы ни начали разговаривать, опять на свадьбу тему сворачиваешь? Может быть ты семейный маньяк?

– Не специально. Просто мне с тобой очень хорошо. А у тебя раньше была любовь?

– Ещё какая. Только мы про свадьбу не разговаривали. Нас больше отличия в анатомии интересовали. У моего жениха мама медицинская сестра в хирургии была. Закрывались, разглядывали отличия, трогали. И целовались. Я тогда мечтала, чтобы у меня такое же было, как у Генки. Смехота. Очень мне нравился его хобот.

– Больше не мечтаешь?

– Дурак. Зачем мне это нужно? Вон, вокруг, сколько претендентов, только свистни.

– Кажется, мы вступили на опасную тропу. Хочешь сказать, одного меня тебе мало, варианты подбираешь?

– Поживём – увидим. Договорились же, сначала сессия, потом стройотряд. До диплома о детях и прочем не может быть и речи. Дальше, как сложится. Учись зарабатывать, Ро-

мео.

– Тогда ладно, пошли хрустеть. Я тебе ещё чего-нибудь расскажу. У меня историй много. И любви достаточно, даже на двоих, чтобы испытание пройти.

– Вот и чудненько. Знаешь, Лёнька, мне тоже захотелось с тобой в горячую ванну... с уточками, гольшом. Но живём мы в общежитии и такой кайф нам недоступен. Вот и подумай. Завёл ты меня своим рассказом, до хруста. Закрывай дверь на ключ, пока девчонки не пришли. Ну, ловелас. Вон ещё когда невинных девушек соблазнять начал. А что дальше будет?

– А сама-то, сама.

– Не болтай ерунды. Давай, быстрее в кровать. Я мокрая уже вся. Да не мешайся, сама разденусь. Ух, ты! И это всё моё?

Сколько раз разбухший поршень ласково и нежно проник в глубины чувствительного естества, столько раз Алине замирало дыхание, сжимало и выкручивало каждую точку соприкосновения, засасывая мозг, растворяя рассудок и обнося голову.

Хотелось ещё и ещё, сильнее и глубже. Что-то прекрасное и большое накатывало, подступало, переполняло радостью, вливалось в каждый нерв фейерверком восторгов, отключало сознание, словно стремительно катишься на американских горках.

Нахлынувшие внезапно чувства вихрем уносили вверх,

резко бросали с высоты. Сердце заходилось от предчувствия скорой гибели. В этот миг что-то таинственное и сильное подхватывало, кружило, переполняло предвкушением скорого взрыва.

Серия сильнейших толчков, сокращающих мышцы, вызвала жар, по телу прокатилась многократно волна эйфории, даря невиданное блаженство. Мозг озарило вспышкой опьяняющего счастья, небывалой благодарности за состоявшийся аттракцион и медленно затихло, посылая телу полное расслабление.

Усиленное дыхание никак не могло успокоиться. Лица ещё некоторое время сохраняли каменные выражения. Разлившаяся по груди и шее краснота выдала недавнее напряжённое действие.

Воздух, переполненный терпким мускусным запахом, окутавшим их разгорячённые тела, посылал в окружающее пространство незримую, но весьма прозрачную информацию о том, чем здесь только что занимались.

В дверь нетерпеливо колотились соседки по комнате.

Раскрасневшаяся Алина сыто потянулась, расцеловала Лёньку куда попало, настолько ей было хорошо и лениво.

– Счастье моё. Спасибо, что ты есть. Одеваемся, живо. Ну и физиономии у нас. Даже гадать не нужно, чем занимались. Блин, неужели опять прокололись? Точно догадаются. Ну и ладно, пусть завидуют.

Студенческая жизнь очень непроста. Порой так завяз-

нешь в круговороте недоделанных заданий и отложенных проблем, что времени не хватает не то, что на любовь, даже о себе позаботиться.

Всё в общежитии не просто. Даже сготовить поесть проблема.

Сварить обед на общежитской кухне – занятие архисложное. Сначала нужно всё иметь под рукой и ждать, когда освободится конфорка. Отходить нельзя. Недоваренное снимут, готовое могут незамедлительно сожрать. Голодные почти все. Достаточно пары минут, чтобы остаться без ужина.

Лёнька с Алиной уже наелись спагетти с маргарином, в которое добавили пару яиц. Макароны накручивали на вилки и глотали, не снимая с плиты, Жестковато, слегка не доварено, но весьма сытно.

Захотелось кофе. Турку арендовали у соседей, молотый кофейный порошок Алина предусмотрительно носит в своей сумочке в пузырьке из-под валерьянки. Так надёжнее, не вызывает подозрения.

Пошли варить кофе вдвоём, чтобы выпить сразу, пока никому не взбрело в голову попросить поделиться. Кружки с кусочками сахара держали наготове. Запах умопомрачительный. Вот-вот напиток закипит.

Слюна на пол капает от предвкушения.

В кухне полно девчонок. Одна первокурсница нечаянно засовывает руку в кипящую кастрюлю. Лёнька, как обычно, бежит спасать пострадавшую. Такая натура, привитый роди-

телями альтруизм.

Алина ревниво смотрит на его действия.

Девочка симпатичная. Кофе тем временем убегает. В прямом и переносном смысле. Совсем.

Опорожненная досуха турка сиротливо покоится рядом с конфоркой, на которой уже стоит чей-то чайник. Пришлось пить воду из-под крана. Ничего не поделаешь – так устроен студенческий мир.

Иногда ребята так устают, что забывают, на кого учатся. А уж когда приходится ко всему этому хаосу добавлять необходимость зарабатывать параллельно обучению, да к тому же по ночам, миксер, перемешивающий в голове мысли набирает такие обороты, что возможность сосредоточиться исчезает начисто.

От перегрузки спасает только молодость. Да ещё сознание, что стараешься не для себя, для любимой.

Лёнька не ропщет на судьбу-злодейку. Даже когда разгружали и укладывали неподъёмный деревянный брус и тяжёлые мешки с цементом, мысленно он разговаривал с Алиной. На его застывшем от напряжения лице блуждала счастливая улыбка.

Окружающие принимали её за признак недалёкого ума, потому старались незаметно нагрузить его сверх меры. Усталость и усердие сказывались днём, когда невозможно было уловить смысл сказанного лектором, а сон неожиданно уносил в непроглядную тьму, целиком отключая сознание.

Несмотря на это, Лёнька умудрялся не зарываться в ворах задолженностей по учёбе, вовремя сдавал зачёты, чего не удавалось Алине. Похоже, его влюблённый мозг питался восторгами и восхищением, вырабатывая энергию в количестве, которого хватало на всё, включая саму любовь.

Время на свою милую девочку он находил всегда, само-забвенно одаривал её эмоциями страсти. При Алине он выглядел так, словно вёл не особенно обременённую непосильными занятиями беззаботную студенческую жизнь.

Любимым их совместным занятием стали полемики по любому поводу, которых находилось множество.

Сегодня они сидели в комнате у Алины одни, предварительно съев приготовленный девочкой суп из сосисок, купленных Лёнькой, с удовольствием соревнуясь в острологии.

Сытные ужины случались не часто, возможность остаться наедине и того реже. Настроение у влюблённых добродушно-ликующее. Разговор вдруг коснулся внешней привлекательности девушек.

– Красивая девчонка – серьёзная опасность для окружающих. В древности от них избавлялись при помощи костра, – говорил, улыбаясь, юноша, – если судьи были против нерачительного употребления красавицы, по причине своей меркантильности (не пропадать же добру даром), правда, случилось это очень редко, девушку оставляли в живых, чтобы с наслаждением попользоваться... но потом всё равно сжигали.

– Какой же ты, Лёнька, пошляк. Всё к одному и тому же сводишь.

– Просто я однолюб. Для меня ты самая-самая, причём единственная. По этой причине боюсь и не хочу потерять. Терпеть не могу напрасных усилий. Приручаешь, стараешься, потом, бац – вторая смена. Всё должно быть рационально. Очень удобно, когда каждая вещь на своём месте. Попытаешься разлюбить – сожгу. И себя заодно. Так и знай.

– Вещь, значит! Стул. Деревянный, лакированный. Конспиратор, а сам про любовь втирал. Главное, чтобы у него спинка удобная была, и ножки правильно разведены?

– Ножки, да, сама понимаешь. Это основное условие успешного проникновения в самую тайную тайну. Неправильно разведённые и зафиксированные ножки приводят к преждевременному разводу. Тебе это нужно?

– Не заговаривай зубы. У меня создаётся впечатление, что ты не меня любишь, а то, что цветёт между ног.

– Твоя ошибка в том, что отрицаешь логику. Первое не исключает, а дополняет второе. Не нужно ловить меня на оттенках речи. Судить нужно не по словам, а по делам. Разве непонятно, что я прикалываюсь? Представь себе, что я стал занудой и букой. Пилю тебя, пилю. Всё меня раздражает, бесит, ревность там, и прочее.

– Я бы сразу дала от ворот поворот.

– Вот. Это я и хотел услышать. Не бросаешь, значит любишь. Пожалуй, сжигать тебя пока не стану. Временно по-

милую. Такая корова нужна самому. Можно, кое-что попросить?

– Валяй, издевайся. Но ещё чего-нибудь сморозишь – пеняй на себя.

– Пеняю. Разрешите посмотреть, милая дама, одну деталь, о которой вы только что упомянули.

– Я много о чём говорила. Какую именно?

– Вы сказали, что у вас что-то ценное расцвело. Между ног. Разрешите взглянуть. Я, как биолог, естествоиспытатель, очень интересуюсь этим вопросом, исключительно в целях познания истины.

– Так и знала. Ничего другого от тебя невозможно ожидать.

– Есть у меня такой недостаток. Каюсь. Это от молодости. Говорят, что любовного энтузиазма и пыла хватает в среднем на три года, потом мы становимся скучными и унылыми. Как все. Если не научимся относиться к жизни с юмором.

– Неужели все мужчины такие меркантильные, вам ещё что-нибудь, кроме естествоиспытания, бывает интересно?

– Как же. Я, например, грудь твою обожаю. И попку тоже. А ещё...

– Надо же, целый список, это можно в письменном виде изложить. А душу, например?

– Всенепременно. Очень мне любопытно, какая она и где обитает.

– Потому и не видишь, что голова другим занята.

– А ты... ты уже обнаружила, в каком месте у меня душа? Сколько с собой живу, а где она обитает, не знаю.

– Давай вместе искать.

– Так и я о том же. Но ведь ты опять ругаться начнешь. Дело в том, что любые изыскания начинаются от печки. А у тебя особенно горячо между ног. Так с какого места начнём поиски?

– Девочки любые исследования начинают с сумочки.

– Именно поэтому мы не девочки. Кто где ищет, тот там и находит. Душа всегда там, где твои мысли. Если я правильно понял, мои помыслы и мечты сосредоточены на тебе и внутри тебя, а твои – где-то далеко и снаружи. Бери лист бумаги и карандаш. Рисуешь большой круг. В нём ещё два, поменьше, перекрывающие друг друга. Один маленький сектор – ты, другой – я, вместе они составляют наш общий дом. Всё остальное, ограниченное замкнутой линией, среда обитания. Я сосредоточен конкретно на нас. Мужчине без женщины ничего, в сущности, не нужно. Есть, пить, спать.

Всё, что он делает, исключительно для неё, своей богини. Мне приходится контролировать среду обитания полностью, чтобы чувствовать уверенность и комфорт. Твоя душа, напротив, обитает вовне. В той самой сумочке, размер которой заполняет всё видимое пространство жизни, включая космос. Но для твоего спокойствия важнее то, что находится внутри дома. Там сосредоточены твоё внимание и усилия. Но, только объединившись, мы можем отслеживать

и регулировать всё поле жизни. В этом и состоит смысл семьи. Лично я вижу так. Можешь оспорить, если я не прав.

– Я запуталась. Рассуждения меня совсем не убедили, но интуитивно я понимаю, что разумное зерно в твоих мыслях есть. Скорее всего. Нужно подумать. Считаешь, что нам нужно становиться семьей... какой, что ты конкретно мне можешь предложить... кроме секса?

– Мне кажется, что всё необходимое у нас уже есть. Нет, я в этом уверен. Маленькое зернышко падает в голую землю и прорастает. Не потому, что имеет всё, напротив, лишь стремление жить и энергию желания. И потом, я же тебя люблю.

– Однако думаешь в первую очередь об удовлетворении страсти.

– Когда ты голодна, хочешь пить или нечем дышать, на чём сосредоточены твои мысли? Только на стремлении утолить голод. А если не испытываешь таких потребностей, можешь расслабиться и заниматься другими делами. Хочешь, чтобы мужчина сосредоточился на том, чтобы строить, защищать и добывать, удовлетвори его интимный голод. Даёт или не даёт женщина, определяет, будет ли удовлетворена одна из его основных потребностей. Думай о мужчине и его потребностях, он добудет тебе всё, будет любить и стараться. Это аксиома.

– Выходит, что любовь, в некотором роде, эгоизм?

– Несомненно. Как же иначе? Человек появляется на свет один, и уходит тоже в одиночестве. Любовь – основной спосо-

соб выживания вида, симбиоз. Одним целым супруги стать не могут, как бы ни старались. Но отдавая, не задумываясь о дивидендах, каждый из них получает многократно больше, чем подарил. Как-то так.

– Как же тогда романтика?

– Лишь красивый чувствительный фон, музыка, декорация бытия, внешнее оформление основного.

– В чём тогда смысл любви, жизни?

– Обеспечение непрерывности существования вида. Сладкая конфетка, которую получаешь, взваливая на себя тяжкое бремя осведомлённости о скоротечности бытия. Иной пользы для нас природа не заложила.

– Но это так бессмысленно и грустно. Зачем... зачем мы завели этот глупый разговор?

– Извини, Алина, я думал ты уже взрослая.

– Поклянись, что будешь любить меня вечно.

– Вечность каждого из нас не может превышать продолжительности личной жизни. Увы. Впрочем, даже этого срока я не могу гарантировать. Судьба человека – череда, цепочка случайностей, зависящих от нас лишь в малой степени. Со мной может произойти что-то трагическое, со страной, с миром в целом. У тебя, предположим, изменится образ ценностей, и клятва сама собой потеряет смысл. Во всяком случае, сегодня, сейчас, я люблю тебя больше всего на свете. Ты – моя единственная и главная драгоценность.

– Я... глупо, конечно, хотела бы от тебя ребёнка. Сегодня,

сейчас. Если бы не учёба, не наша бедность, не обязанность умирать.

Алина заплакала.

– Что с тобой, милая моя девочка, чего же ты так испугалась? Конечно, мы все умрём, но сначала у нас будет много-много счастья. Совсем недавно у тебя было иное мнение, ты доказывала, что брак – бессмысленное, в некоторой степени вредное мероприятие. У нас непременно будут дети, но не потому, что страшно жить. Дети должны появляться от и в любви. Я всё обдумал. Почти всё. Ты была права, нам нужна отдельная жилплощадь, чтобы понять, настоящая у нас любовь или обыкновенная иллюзия. Ответственное решение примем, как договорились, осенью, после стройоряда, хорошо?

– А если я умру... вдруг, например от родов?

– Не так фатально. Всему свой срок. Нам рано об этом думать.

– Иди ко мне. Успокой. Почему мне так хочется плакать?

– Только плакать и всё?

– Не всё. Но сначала поплачу. Ты специально наговорил ужасов?

– Дверь закрывать?

– Нет, сейчас в коридор выйдем и устроим публичное интимное шоу. Для тех, кто ещё не видел, как мы этим занимаемся. Устроим мастер класс, пригласим зрителей, продадим билеты, и заработаем на аренду квартиры.

– А если опозоримся? Давай сначала потренируемся, отрепетируем, как следует. Ты у меня самая лучшая девочка в мире. А я, самый счастливый претендент в мужа.

– Со светом или без?

– Сама подумай, зачем нам нужна Света? Я с двумя не справлюсь.

– Ну и дурак. Сейчас обижусь, и ничего не получишь.

– Вынужден предупредить, что с таких необдуманных заявлений начинаются все бракоразводные процессы. Возможен бунт, бессмысленный и беспощадный. Революционная ситуация созрела. Можешь удостовериться.

– Ха-ха! Ничего смешного не вижу.

– Я и не шучу. Предупреждаю.

– Ладно, на первый раз прощаю.

– Я верил в тебя, моя принцесса, в торжество любви и рационального мышления. Ты не можешь поступить жестоко.

– Пользуйся моей добротой. Это тебе сладкая конфетка, но авансом. Будешь должен.

– Век буду помнить твою щедрость, богиня! Знаешь, Али-на, что-то мне расхотелось секса. Пойдём лучше гулять. Снегом похрустим, сосульки погрызём, снежками покидаемся.

– Ну, уж нет. Назвался груздем – полезай в кузов. Теперь я хочу, нечего было дразнить.

– Каждый пролетарий имеет право на революцию, когда верхи не могут, а низы всё равно хотят.

– Поэтому они обычно и пролетают. Броневики уже стоят?

– Он всегда на боевом посту. Боюсь разбудить лихо. Сдаётся мне, чтобы не нарваться на неприятности, главное, не трогать Аврору.

– Только посмей откосить. Революционные массы ждут залпа.

– А последствия?

– Под твою личную ответственность.

– Заложником берешь?

– Напротив, сдаюсь без боя, капитулирую.

– Тогда вынужден буду назначить налог и контрибуции.

Пожизненно.

– Поясни.

– Требую безоговорочной поставки сексуальных услуг по первому требованию пролетариата.

– Ну, ты и хам, Лёнька! А если у меня голова заболит, или ещё чего поломается? Как это безоговорочно?

– Перебинтую голову, таблетку анальгина дам. Сделаю эротический массаж. Короче, победителя не касается, как ты соберёшь необходимую сумму. Готовность номер один двадцать четыре часа в сутки.

– Это рабство. Я протестую.

– Добровольное рабство, сладкое, потому что по любви.

– Ну, тогда ладно. Сдаюсь. Увяз коготок – всей птичке пропасть. Бедная я, бедная.

– Долго препираться будешь? Товьсь! Блин, торжественный момент, можно сказать, взятие зимнего, а у нас ни ор-

кестра, ни проигрывателя, чтобы победный марш, и прочее. Какие свидетельства этого знаменательного момента сможем предъявить потомкам?

– Их самих и предъявим. Когда сделаем.

– Значит еще не скоро. Я, как победитель, требую закончить прения. Не могу заниматься двумя делами сразу.

– Вот мной и займись.

– Уже.

– Ой!

Мелодия дождя Глава 11

Учебный год стремительно двигался к завершению. Лёнька потихоньку втянулся в немилосердный ритм жизни, ожидая поездки в стройотряд, способной решить почти все проблемы, во всяком случае, текущие.

На серьёзный заработок и возможность провести лето на природе с любимой он рассчитывал очень конкретно.

Алина нервничала, срывалась, иногда кричала. Парень, как мог, гасил напряжённость, хотя ему было не легче. Иногда их встречи заканчивались ссорой. Инициатором свары всегда оказывалась девушка. Она то и дело пыталась доминировать, ставить любимого на место, грубила.

– Алиночка, почему ты сегодня такая сердитая?

– Опять зачёт не сдала. Курсовую в который раз завернули. Да этот грёбаный препод ко мне просто придирается. Другие девочки совсем ничего не знают, а он им удовлетворительно ставит. Мне просто жить из-за него не хочется.

– От неудач и депрессии есть одно замечательное средство – шоколад "Алёнка". У меня случайно в кармане одна плитка завалялась.

– Давай сюда. Сладкое тоже не помогает. Не поверишь, в глотку уже не лезет. Эта плитка третья за сегодня.

– Странно. А любовью лечить пробовала?

– Тебе только бы поржать.

– Я серьёзно. Радикальное средство. Секс до полного изнеможения, потом двести граммов клубничного ликёра, и расслабляющие танцы. Под ламбаду, например. Неприятности, как рукой снимает.

– Ну, если по-другому нельзя...

– Можно. Двести граммов коньяка с лимоном, потом любовь до изнеможения. И в кино. Но это дороже. И дольше. Сама знаешь, после возлияния половой акт может никогда не закончиться. Хотя, для пьяного какая разница?

– Мне уже всё равно, лишь бы сессию не завалить. Коньяк, так коньяк. Наливай.

– Ну и умничка. За что я тебя и люблю. Никогда не перечишь. Просто идеальная жена.

– Но-но! Не люблю, когда подкалывают. Вопросы семьи и брака мы до осени отложили. Кстати, примерь свитер. Почти связала, осталось определиться, где резинки на рукавах начинать.

– Классный свитерок. Это для кого?

– Догадайся с трёх раз.

– Какая же ты рукодельница.

– Научишься тут, когда карман пустой. Не представляешь, как хочется пожить по-человечески, чтобы не нужно было экономить, жрать недоваренные макароны, унижаться перед экзаменаторами. Между прочим, меня обещали консьержкой на зиму устроить. Ты рад?

– Если честно, не очень. Ты ведь на лекциях спать бу-

дешь, не говоря уже про секс. Без того тебе учёба трудно даётся. Давай оставим этот разговор на потом. Хочу иметь качественную эротику с жизнерадостной девочкой, а не со скрюченной недугом усталой дамой.

– Тогда и ты бросай свою подработку. А свадьбу отложим до диплома.

– Обещаю, Алина, я выдержу. Честное пионерское. Снимем квартиру, поживём вместе, притрёмся. Я без тебя не могу. И не хочу. Ну что, наливать?

– Так ты заранее знал, что я опять зачёт завалила? Коньяк приготовил, лимон, шоколад. Откуда у тебя столько деньжищ?

– Каюсь. Доложили. С девчонками договорился, нас никто не побеспокоит... до девяти вечера. Небольшая взятка шоколадом и все дела. Гуляем, любимая. Вдвоём. Выбрасываешь из головы всё. Кроме меня, разумеется. За вас, красивых женщин, из которых получаются замечательные, самые лучшие в мире жёны! И матери тоже.

– Врёшь, не получают. Из меня, точно ничего хорошего не выйдет.

– Уже вышло. Готовить умеешь, вязать тоже. Для начала очень неплохо. Я уж не говорю про секс.

– Ха, все девчонки это умеют, и что с того?

– Глупая. У них нет такого Лёньки. Вместе, мы сила.

– Хвастун. Наиграешься и тоже бросишь.

– Не дождёшься, родная. А ты, ты не такая?

– Откуда мне знать, какая я? Сама себя не понимаю.

– Зато я знаю. Давай сейчас напишем, каждый своё предположение, что будет с нами через год... и через три года. Запечатаем в конверты и отдадим кому-нибудь на хранение. Вскрывать будем вместе.

– Я боюсь.

– Чего именно?

– Напишу, а выполнить не смогу. И что тогда! Ты даже не представляешь, о чём я думаю. Самой иногда страшно.

– Не справишься, я помогу.

– А если мне это совсем не нужно будет?

– Об этом и напиши. Главное, себе не врать.

Писали долго. Намеренно отвернулись друг от друга, чтобы не видеть реакцию другого. Расстались, отчего-то, довольно холодно. Что выплескивали на бумагу, неизвестно, но настроение было испорчено основательно. Вроде и причины никакой нет, а что-то непостижимое в недрах психики происходило. Словно кислород перекрыли.

Одно дело поцелуи и объятия и совсем иное – пытаться разметить судьбу на годы вперёд.

Когда отбрасываешь мажорные фантазии, вплетая в рассуждения реальные проблемы, настоящие претензии, пытаешься всерьёз воссоздать картину жизни, события не желают выстраиваться в линейку, норвят улизнуть далеко в сторону.

Откуда ни возьмись появляются амбициозные суждения.

Хочется намного больше, чем уже есть. В голову лезет нечто немислимое. А ещё больше чего-то не хочется. И всегда, получая желаемое, понимаешь, что на самом деле хотел совсем другое. Попробуй, определись, если единственный оппонент и советник именно ты.

Лёнькины суждения уместились на двух тетрадных листках. Он сложил их вдвое и положил в конверт.

Алина писала, комкала, выбрасывала, начинала снова. Сосредоточенно, нервно, закрывала листки ладонью. Потом разорвала всё на мелкие кусочки и сказала, что это нелепая затея.

– Откуда мне знать, что с нами может быть? Мало ли чего я хочу на самом деле?

– Об этом и напиши.

– Не хочу.

– Это же игра, фантазия.

– Вот именно. Жизнь слишком серьёзна, чтобы над ней шутить и глумиться.

– Тогда давай целоваться.

– Хочу побыть одна.

– Значит до завтра, любимая.

– Прощай.

После Лёнькиного ухода Алина не удержалась, прочитала, что он написал. Это было пространное признание в любви. В конце было обозначено три пункта: свадьба, диплом, рождение дочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.